

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПОВОЛЖСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ
ОРЕНБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ

АКТЮБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. К. ЖУБАНОВА
АКТЮБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ОРЕНБУРГА

*Любить – это знать,
знать – это чтить, изучать, постигать...*

ДЕВЯТЫЕ БОЛЬШАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Сборник статей международной
научно-практической конференции

*К 275-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА ОРЕНБУРГА,
200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА, ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА
ГОРОДА ОРЕНБУРГА Н. А. КРЫЖАНОВСКОГО,
100-ЛЕТИЮ ОРГАНИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ*

Оренбург
Издательство ОГПУ
2017

УДК 94(47) + 8P2(063)
ББК 63.3(2) + 83.3(2 Рос = Рус)6-8
Д25

Рецензенты

С. Н. Полторац, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Г. Т. Мусабалина, доктор исторических наук, профессор (Астана, Казахстан)

Редакционная коллегия

Большакова Татьяна Леонидовна, член Союза журналистов России

Бурахта Вера Алексеевна, доктор химических наук, проректор по научной работе и международным связям Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета

Годовова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент

Дуйсенгали Мейрам Нурланулы, директор Актюбинского областного историко-краеведческого музея

Казан Илья Иосифович, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки России

Камскова Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, профессор

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (председатель)

Рубин Владимир Александрович, кандидат исторических наук, председатель

Комитета по делам архивов Оренбургской области

Научный редактор

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор

Дизайн обложки

Абленин Федор Михайлович

Д25 **Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен** : сборник статей международной научно-практической конференции / Оренбургский государственный педагогический университет; Поволжский филиал Института российской истории РАН; Комитет по делам архивов Оренбургской области; Оренбургское отделение Российского общества историков-архивистов; Актюбинский государственный региональный университет им. К. Жубанова; Актюбинский областной историко-краеведческий музей; Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет; Администрация города Оренбурга; науч. ред. С. В. Любичанковский. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2018. — 412 с. : ил. ISBN 978-5-85859-675-2

В сборнике представлены материалы Девярых Большаковских чтений, проведенных 1—2 марта 2018 г. и посвященных изучению Оренбургского края как историко-культурного феномена. Среди обсуждаемых проблем — феномен Леонида Большакова; Оренбургский край сквозь призму исторического источника; феноменология Оренбургского края: теоретические проблемы в региональном измерении; Оренбург на карте мировой истории; ключевые процессы истории Оренбургского края; власть и правящая элита: оренбургский вариант; этносы и конфессии в истории и культуре Оренбургского края; становление и развитие гражданского общества в Оренбургском крае; повседневная жизнь и устроения в оренбургской провинции; научные, образовательные и просветительские традиции Оренбургского края и др. Книга адресована краеведам, культурологам, историкам, филологам, искусствоведам, философам и всем интересующимся проблемами исторического развития и современного состояния Оренбургского края.

ДК 94(47) + 8P2(063)
ББК 63.3(2) + 83.3(2 Рос = Рус)6-8

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА	7
ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	10
ФЕНОМЕН ЛЕОНИДА БОЛЬШАКОВА	12
<hr/>	
<i>Большаков Л. Н.</i> «Работа может и должна продолжаться» (подготовка к публикации и комментарии <i>Т. Л. Большаковой</i>)	12
<i>Лукьянин В. П.</i> Исследование о получателе писем	17
<i>Большакова Т. Л.</i> Писательское «закулисье» Леонида Большакова	20
<i>Любичанковский С. В.</i> «Помнится многое...» (по страницам дневника Л. Н. Большакова)	27
<i>Новиков И. А.</i> Л. Н. Большаков и Уральские Бирюковские чтения	35
<i>Шевченко И. Б.</i> История, рассказанная книгой	39
ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА	43
<hr/>	
<i>Репинецкий А. И.</i> Оренбургский край на страницах переписей населения первой половины XX века	43
<i>Солдатова О. Н.</i> Отражение истории Оренбургского края XX века в документах Российского государственного архива в г. Самаре	47
<i>Киселев М. Ю.</i> Документы по истории Оренбургского края в Архиве Российской академии наук: краткий обзор	51
<i>Минаков А. С.</i> Отчеты губернаторов о состоянии Оренбургской губернии XIX — начала XX века в фондах архивов и библиотек	54
<i>Мударисов Р. З.</i> Архивные источники по истории промышленности Оренбургской губернии первой половины XIX века	56
<i>Юсупова Л. Я.</i> Источники по истории башкир северо-восточной части Оренбургской губернии (первая половина XIX в.)	60
<i>Сбитнева А. С.</i> Жизнь и судьба В. А. Шокова в документах личного происхождения	61
<i>Абдрахманова Р. Л.</i> Архивные и иные письменные источники Оренбурга как материал для исследования развития системы образования Западного Казахстана	64
<i>Иванов А. О.</i> Редкие издания и книжные коллекции Отдела редких книг библиотеки БГПУ им. М. Акмуллы	66
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ	69
<hr/>	
<i>Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В.</i> О теоретических и практических методах изучения историко-культурного наследия в рамках направления гендерной этнологии (на материалах исследованной Л. Н. Большаковым переписки Льва Толстого с А. С. Скутиной)	69
<i>Буканова Р. Г.</i> Вопросы исторической политической географии в изучении истории Оренбургского края	71
<i>Добрейцина Л. Е.</i> Экскурсионная линия в Оренбурге как один из вариантов популяризации его культурного наследия: взгляд со стороны	75
<i>Ельчанинов А. И.</i> Культурное и природное наследие Оренбургской области в Национальном атласе России	78
<i>Филимонова И. Ю., Святоха Н. Ю.</i> Упразднение населенных пунктов как следствие процесса «сжатия пространства»	81
<i>Смирнова О. А.</i> Социально-психологические основы становления и развития советского типа культуры (по биографическим материалам оренбургского учителя О. С. Тышевской)	82
<i>Любичанковский А. В.</i> Фактор «традиционная культура этноса» в географии населения Саракташского района Оренбургской области	85
<i>Ковальская С. И.</i> Военная повседневность — новое исследовательское направление в истории Казахстана	88
<i>Бекасова Е. Н.</i> Лингвокраеведческий потенциал Оренбургской области	92
<i>Арпентьева М. Р.</i> Современные библиотеки: психологическая помощь читателям	95

ОРЕНБУРГ НА КАРТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ	100
<hr/>	
<i>Оттепова Г. Е.</i> Роль города Оренбурга в истории казахского общества XIX века.....	100
<i>Кореева Н. А.</i> Торгово-промышленная и благотворительная деятельность купцов Казанской губернии в Оренбургском крае в конце XVIII — первой половине XIX в.....	103
<i>Четвериков С. А.</i> Участие польских ссыльных 1830-х годов в военных операциях русской армии в Степи	106
<i>Почкаев Р. Ю.</i> Шкура неубитого медведя: место среднеазиатских ханств в проектах развития российской торговли в Средней Азии 1860-х гг.....	109
<i>Мамадалиев И. А.</i> Оренбург — форпост русского продвижения в Среднюю Азию (историописание на материалах Оренбургского госархива)	112
<i>Васильев Д. В.</i> Общественное управление коренного населения Туркестанской области в контексте аккультурации (1865—1866)	116
<i>Муфтахутдинова Д. Ш.</i> Проекты казанских миссионеров по совершенствованию национальной политики на мусульманском Востоке Российской империи (вторая половина XIX века)	118
<i>Богатырев А. В.</i> Новые материалы по истории польской политической ссылки в Оренбургской губернии XIX в.	120
<i>Оськин М. В.</i> Заготовки скота для действующей армии в период Первой мировой войны 1914—1917 гг.: Азиатская Россия в снабжении фронта	123
<i>Христофоров В. С.</i> Оренбург как «центр восточной контрреволюции»: неизвестные страницы деятельности казахского национального движения «Алаш-Орда» в 1920-е годы.....	128
<i>Гришакова Л. В., Шмакова Н. Н.</i> Оренбург на пространстве ЕврАзЭС	130
НАШИ ИСТОКИ.....	134
<hr/>	
<i>Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г.</i> Изучение памятников Золотой Орды в Институте археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан	134
<i>Боранбаева Б. С.</i> Роль Великого Шелкового пути в формировании и развитии города Сарайчик	137
<i>Гультияев В. А.</i> Дворцовое село Архангельское и строительство Бирской крепости в XVII в.	140
<i>Фокин А. А.</i> Закамская ландмилиция на юго-восточном пограничье России в XVIII веке как особая форма организации регулярной гарнизонной службы	143
КЛЮЧЕВЫЕ ПРОЦЕССЫ ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ	147
<hr/>	
<i>Назарова Г. Х.</i> Предпринимательская деятельность А. И. Шувалова на Южном Урале	147
<i>Мауль В. Я.</i> «...Не переставал считать ево государем» (к вопросу о самозванстве Е. И. Пугачева)	150
<i>Гибдуллина Э. М.</i> Правовое регулирование оренбургской торговли в XVIII — первой половине XIX в.	154
<i>Черноухов Э. А.</i> Социальная инфраструктура частных горнозаводских округов в Оренбургской губернии накануне отмены крепостного права	157
<i>Злобин Ю. П.</i> Население Оренбургской губернии в середине XIX века (по данным В. М. Черемшанского).....	159
<i>Рукоусев Е. Ю.</i> Использование транспортных возможностей верховьев реки Белой в 60-е годы XIX века	164
<i>Ефименко М. Н.</i> «Новая религия» революционного народничества (на материалах оренбургского народнического кружка)	169
<i>Ганин А. В.</i> Оренбургские тюрьмы в 1920 г. (по материалам обследования мест заключения Киргизского края).....	172
<i>Филатов В. В.</i> Протестное движение средневожских крестьян в 1930 году	176
<i>Пахомова Е. В.</i> Оренбургская целина в советском изобразительном искусстве	180
<i>Невзорова И. В.</i> История формирования Оренбургского территориально-производственного комплекса в 1970-е годы как фактора стимулирования роста промышленного производства.....	183
ВЛАСТЬ И ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА: ОРЕНБУРГСКИЙ ВАРИАНТ	186
<hr/>	
<i>Асауляк В. В.</i> Вклад В. Н. Татищева в создание и развитие Оренбургского края	186
<i>Киселев М. А.</i> Влияние политической борьбы среди правящей элиты на назначения в Оренбург в конце 50-х — начале 60-х годов XVIII века	188
<i>Семенова Н. Л.</i> Этапы правительственной политики в Оренбургском крае в XVIII — первой трети XIX в. (по материалам всеподданнейшего отчета В. А. Перовского).....	191
<i>Дубовиков А. М.</i> Реформирование системы административного управления и военной организации Уральского казачьего войска в XVIII — начале XX века	195
<i>Садовников С. Д.</i> Опальные дворяне в Оренбургской губернии XIX века. Эпизоды из родословной	199

<i>Брежнева С. Н.</i> Непримириемые генералы — Н. А. Крыжановский и М. Г. Черняев: история конфликта.....	204
<i>Кантимирова Р. И.</i> Губернатор И. Ф. Щербатский и проблемы органов местного управления в Уфимской губернии.....	207
<i>Устинова О. Ю., Архирейская Т. Ю.</i> Деятельность местных органов власти Южного Урала по решению вопросов жизнеобеспечения населения в экстремальных условиях Великой Отечественной войны.....	210
<i>Пахомов А. В.</i> А. В. Коваленко: штрихи к политическому портрету.....	212
ЭТНОСЫ И КОНФЕССИИ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ.....	215
<i>Аминов Р. Р.</i> Татары-казаки Оренбургского казачьего войска в Крестьянском восстании 1773—1775 гг.	215
<i>Шкляева Л. М.</i> Пуховязание татарских мастериц Оренбургской области.....	217
<i>Загидуллин И. К.</i> О проектах оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского по реформированию ОМДС в 1866—1877 гг.	219
<i>Камзина А. Д.</i> Структура православной миссии в борьбе с расколом в Оренбургской епархии во второй половине XIX в.	229
<i>Гусева Ю. Н.</i> «Пантюркизм» по-советски: от терминологических дискуссий к репрессивной практике (на материалах казахского движения «Алаш»)	232
<i>Циденков Г. Г.</i> Католическая миссия в Оренбурге в 1923 году.....	236
<i>Джунджужов С. В.</i> «Армянский след» в истории Оренбургской области: итоги и перспективы исследования	238
<i>Каган И. И.</i> Евреи — деятели театрального и музыкального искусства Оренбуржья	243
<i>Косач Г. Г.</i> Оренбург в 1990-е гг.: «национальная политика» в российском регионе.....	246
ЛЮДИ И СУДЬБЫ: ПОДРОБНЕЕ О ГЕРОЯХ ОРЕНБУРГСКОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ.....	256
<i>Викторова Е. В.</i> «Ты мое счастье, ты моя гордость!». О роли детских впечатлений в становлении С. Т. Аксакова как писателя	256
<i>Дашкевич Л. А.</i> Общественная и культурная деятельность В. В. Григорьева в Оренбурге (1852—1862 гг.)	258
<i>Смирнов В. Г.</i> Лейтенант флота М. А. Рыкачев, генерал-губернатор Н. А. Крыжановский и метеорологические наблюдения в Оренбурге (1872 г.)	260
<i>Баранова Е. П.</i> Дворяне Бугурусланского уезда Шелашниковы	263
<i>Бахарева О. Я., Садовников С. Д.</i> Оренбургские домовладения Мансуровых в первой половине XIX века	266
<i>Дегтярева Н. А.</i> Спасенные жизни (о главном хирурге отдела госпиталей г. Чкалова в годы Великой Отечественной войны А. К. Силантьеве).....	269
<i>Лубэ И. С.</i> Непрошедшее прошлое: о письмах из семейного архива С. М. Лубэ	271
<i>Пронин О. Н.</i> Н. М. Пронин: по следам одной судьбы	275
<i>Мишучкова А. В.</i> Великий комбайнер В. М. Чердинцев: квинтэссенция жизни в одной встрече	278
<i>Зубова И. К.</i> Памяти краеведа (к 90-летию со дня рождения В. В. Дорофеева)	283
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ.....	286
<i>Хамитова К. А.</i> Вопросы сохранения историко-культурного наследия в провинциальном обществе во второй половине XIX века — 1940 г. (на материалах Южного Урала).....	286
<i>Скибина О. М.</i> Газета «Оренбургский край»: корреспонденты и издатели.....	288
<i>Аканов К. Г.</i> Оренбург и история газетного дела в Казахстане	292
<i>Брагиров Г. Б.</i> Динамика и формы приобщения населения Оренбургского края к театральному искусству в первые десятилетия советской эпохи	296
<i>Томина Е. Ф.</i> Развитие сети культурных учреждений Оренбургской губернии в 1923—1925 гг.	298
<i>Алятина А. Г.</i> Роль Оренбургского областного краеведческого музея в жизни горожан в послевоенный период (1945—1953 гг.)	301
<i>Морозова И. П.</i> Развитие музейного дела на территории Южного Урала в период «оттепели»	304
<i>Заяльская С. А.</i> Периодическая печать Оренбургской области в советском культурно-информационном пространстве эпохи «общественного застоя»: достижения и проблемы.....	307
<i>Валитов И. М.</i> Основные направления работы Дома Памяти г. Оренбурга	310
<i>Каган И. И., Филатова С. С.</i> Тридцать пять лет музею истории Оренбургского государственного медицинского университета	313

<i>Федорова А. В.</i> Вышитое полотенце как элемент народной культуры (опыт историко-этнографического музея Оренбургского аграрного университета)	316
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И УМОНАСТРОЕНИЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ПРОВИНЦИИ	320
<i>Куприянова Е. А.</i> Оренбург и Уфа — две столицы Оренбургской губернии в первой половине XIX века	320
<i>Годовова Е. В.</i> Страницы повседневной жизни народов Оренбургского края в начале XIX века в контексте имперской политики аккультурации.....	322
<i>Бурлуцкая Е. В.</i> «Непостижимый антагонизм», или «На что щука в море». К истории управления городским хозяйством Оренбурга во второй половине XIX века.....	324
<i>Шлеюк С. Г.</i> Строительство комплекса пивоваренного завода оренбургским купцом А. Ф. Клюмпом (конец XIX века).....	328
<i>Корнельзен Д. А., Заболотная С. Г.</i> Кумысолечебное заведение доктора Каррика в Оренбуржье.....	333
<i>Сидоренко Н. С.</i> Эволюция восприятия института монархии в массовом сознании уральского общества в условиях Первой мировой войны (1914—1917)	336
<i>Куренкова Ю. О.</i> Транспортная проблема Оренбурга в 1920-е годы	339
<i>Медеубаев Е. И.</i> Власть и общество в Оренбуржье на закате хрущевской «оттепели»: умонастроения, массовая психология и жизненные ориентации.....	343
НАУЧНЫЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ	347
<i>Матвиевская Г. П.</i> К истории образования в Оренбургском крае: Оренбургское девичье училище	347
<i>Пономарева В. В.</i> «Оренбургский Николаевский институт для воспитания девиц» — форпост женского образования на востоке России.....	350
<i>Тугай Т. И.</i> Оренбургская русско-казахская учительская школа в формировании национальной интеллигенции	353
<i>Бегимбаева Ж. С.</i> Эволюция научной деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии: от учреждения до взаимодействия научных обществ	358
<i>Назыров П. Ф.</i> Оренбургская почвенная экспедиция (1915—1919 гг.): неизвестные страницы истории	361
<i>Алешина С. А.</i> Организация педагогических классов в Оренбуржье в 20—30-е годы XX века.....	364
<i>Петрич Л. В.</i> Ликвидация неграмотности работников промышленных предприятий Оренбуржья в 1930-е годы.....	367
<i>Хисамутдинова Р. Р.</i> Деятельность исторического факультета Чкаловского (Оренбургского) государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное десятилетие	369
<i>Магомедов Р. Р.</i> Советский Красный Крест и школа в годы Великой Отечественной войны (по материалам архивов).....	374
<i>Курмеева Н. К.</i> Музыкально-педагогическая и просветительская деятельность И. М. Тевс в Оренбурге во второй половине XX века	376
<i>Каспрук Л. И.</i> Оренбургский период деятельности профессора И. В. Лебедевой	379
<i>Камскова Т. А.</i> Деятельность Института Тараса Шевченко в контексте региональной истории	381
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	384
<i>Большакова Т. Л., Камскова Т. А.</i> Жизнь продолжается: библиография о жизни и творчестве Л. Н. Большакова с 2016 г.	384
АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СТАТЕЙ (по разделам)	386

Л. Е. Добрейцина

Экскурсионная линия в Оренбурге как один из вариантов популяризации его культурного наследия: взгляд со стороны

В последние годы тема развития внутрироссийского туризма стала актуальной и обсуждаемой с самых разных сторон. Это обусловлено и экономическими, и политическими причинами. Возникла потребность вернуть российских туристов на Родину, чтобы они тратили деньги здесь, а не в заморских странах и в то же время приобщались к собственной культуре. Другая цель — привлечь иностранных туристов, знакомя их с Россией и получая от них прибыль. В то же время туризм — один из эффективных способов развития территорий. Это связано не только с непосредственными доходами от туристов, но и с приобретением так называемого символического капитала — улучшением имиджа города или региона, увеличением его известности и, как следствие, превращением в престижное место, которое притягивает людские и финансовые потоки.

Оренбург — город с богатой и необычной, в чем-то уникальной для России культурой, сохранивший немало ценных памятников прошлого и живущий активной культурной жизнью в настоящем, к сожалению, недостаточно известен туристам и ценителям истории за пределами своего региона. Возможно, одна из его проблем — в недооценке того факта, что город в современном мире потребления тоже стал чем-то вроде товара, который нуждается в том числе и в грамотной рекламе, в разработке стратегии его продвижения на рынке туристических, экскурсионных услуг, в борьбе за инвесторов и т.д. Причем нужно учесть, что предпринимаемые усилия касаются не только создания привлекательной картинки для потенциальных гостей, но и в первую очередь повышения привлекательности города для самих жителей. Ведь если горожане не гордятся своим городом, не рады жить в нем, не знают, чем он знаменит, что в нем можно посмотреть, то никакие старания завлечь в него кого-то со стороны не будут успешными. К счастью, ситуация в Оренбурге далеко не самая плохая — он не вызывает отталкивающего впечатления, его история не создала ему какого-то совсем уж отрицательного имиджа, как некоторым другим уральским городам. Наоборот — город, и в первую очередь его исторический центр, выглядит уютным, приятным для жизни, приветливым к людям. Как назвал свой отзыв в интернете один из туристов, Оренбург — это «город, в который хочется возвратиться» [5]. И потому очень важно, чтобы о нем узнавали, его посещали — он того достоин.

Беглый анализ экскурсий по городу, которые предлагают турфирмы, показал, что в основном это традиционная обзорная экскурсия и несколько тематических (скажем, «Едет Пушкин в Оренбург» или «Храмы Оренбурга»). Перечень достопримечательностей, которые туристы должны увидеть, достаточно полон, то есть информация как таковая есть, но уж очень она обычная, скудная, без интригующих и цепляющих воображение подробностей. Главный «манок» для будущих экскурсантов — возможность «быстро попасть из Европы в Азию пешком» [2]. Но это не то, что делает Оренбург уникальным! Урал в принципе является границей Европы и Азии, и этот «аттракцион» — побывать на границе двух частей света — предлагают абсолютно все турфирмы Екатеринбурга, Нижнего Тагила и других уральских городов. И, конечно, это не то, ради чего «хочется возвратиться» — вполне достаточно однократного посещения. Гораздо интереснее, на наш взгляд, увлечь потенциальных гостей историей города, богатой событиями, судьбами людей (романтическими и трагическими), с ним связанных, погрузить в атмосферу «города на перекрестке культур». Для этого недостаточно просто перечислить достопримечательности или даже кратко их охарактеризовать. Конечно, талантливый экскурсовод вдохнет в эту информацию жизнь и смысл, но хочется, чтобы уже на стадии выбора места поездки, предварительного знакомства с городом, которое современные путешественники чаще всего осуществляют через интернет, было нечто интригующее и манящее. Иначе до экскурсии дело может просто не дойти. А если человек по каким-то причинам не имеет возможности заказать экскурсию, оказался в городе по делам или гостит у родственников и просто гуляет по центру, любуется его архитектурой, но при этом не является специалистом по истории Оренбурга, он остается вообще почти без информации. Максимум, что он может почерпнуть сейчас, — это сведения с мемориальных досок.

Одним из способов «поддачи себя» для города, пока не раскрученного как туристический центр, является создание пешеходных «экскурсионных линий». Опыт создания таких линий пришел к нам из Ганновера, где существует проект «Красная линия». Наиболее удачно, на наш взгляд, его переняли в Перми. Здесь функционируют уже две кольцевые линии. Первая — зеленая — была создана в 2010 г. и охватывает наиболее интересные памятники истории, архитектуры и монументальной скульптуры, расположенные компактно в центре города [1]. Вторая — красная — стартовала в

2011 г., разработана местным краеведом В. Гладышевым и является тематической — это 16 историй любви известных лиц, связанных с Пермью, и точки городского ландшафта, где эти люди жили и встречались [3]. Линии где-то пересекаются, многие объекты на них совпадают, в результате общая информация зеленой линии, дополненная живыми фактами красной, становится объемнее, увлекательнее.

Инициативу профессиональных краеведов подхватили студенты: в студенческом городке Пермского государственного университета в 2013 г. была открыта «Золотая линия». «Информационные стенды, установленные вдоль всего маршрута, помогут гостям самостоятельно, без экскурсовода, изучить легенды студгородка, познакомиться с его жизнью и почти столетней историей... Кроме того, разработана программа-путеводитель по «линии» для телефонов и планшетов — мобильный гид Maugry. Ее можно бесплатно скачать в GooglePlay и AppStore. А в социальной сети «ВКонтакте» создана группа, посвященная этому маршруту» [4]. В планах членов пермской организации «Мемориал» было создание «Белой линии», посвященной истории репрессий в Перми, но, насколько нам известно, этот проект так и не был осуществлен.

Вслед за Пермью, поняв, насколько привлекательна такая подача города для туристов, идеей «линий» увлеклись и другие уральские города, в частности Екатеринбург, где в 2011 г. появилась своя «Красная линия», Соликамск («Зеленая линия», 2011) и Нижний Тагил («Малахитовая линия», 2015). Так что уже есть тот опыт, на который может опереться Оренбург при создании подобного проекта. Суть экскурсионной линии в том, что любой пешеход может получить информацию о городе, о его достопримечательностях, просто прогуливаясь вдоль линии и читая тексты, написанные историками и краеведами. Важно, чтобы этот маршрут был броским, заметным, останавливающим внимание даже тех, кто просто проходил мимо и не собирался ни на какую экскурсию. Яркая линия со стрелками на тротуаре, большие и красочные щиты рядом с достопримечательными местами, достаточно крупный шрифт — все это не только важные детали самостоятельной экскурсии, учитывающие удобство туриста, но и дополнительное оформление городского ландшафта. Город как бы громко говорит сам о себе, заставляет себя «читать» и «слушать». Хорошо, если на щите кроме текста будет помещено старое фото здания, или даже несколько, если облик его со временем менялся. Важно, чтобы были указаны и старые названия улиц, площадей, других важных городских точек, через которые проходит маршрут. Это, кстати, могло бы послужить неплохим компромиссом между теми горожанами, кто жаждет вернуть улицам дореволюционные названия, и теми, кто хочет оставить все как есть.

Важным условием успеха экскурсионной линии является компактное расположение памятников в пределах возможностей среднестатистического пешехода. И в Оренбурге именно такая ситуация — большинство достопримечательностей расположено вдоль улицы Советской и набережной реки Урал, с незначительными отклонениями в сторону ул. Зиминской (дом-музей Ростроповичей), ул. Чичерина (музей-квартира Гагариных), Паркового пр. (Караван-Сарай). Более того — значительная часть этой территории уже является пешеходной, что идеально подходит для организации экскурсионных линий. Выбор объектов показа и тексты на информационных стендах, на сайте проекта, в аудиогuidaх — безусловно, прерогатива профессионального историко-краеведческого сообщества. Одной из причин провала проекта «Красная линия» в Екатеринбурге стал, на наш взгляд, абсолютно неверный шаг — поручить выбор экскурсионных пунктов общественности города и голосованию через интернет. В результате маршрут оказался разбросанным, некоторые интересные, но малоизвестные широкой публике объекты туда не вошли и т.д. А вот выбор цвета линии вполне можно отдать на откуп горожанам — провести интернет-голосование и таким образом сделать оренбуржцев соучастниками проекта. Тем самым, кстати, проект получит широкую рекламу уже на стадии своей разработки и люди, во-первых, будут знать о нем, а во-вторых, будут считать его отчасти и своим созданием, что всегда хорошо. Это не было учтено, например, в Нижнем Тагиле, где проект «Малахитовая линия» оказался кулуарным детищем местных музейщиков и администрации города, в результате чего многие тагильчане о нем даже не знают и не всегда могут объяснить, что означает линия зеленого цвета на тротуаре в центре города. В связи с этим стоит подчеркнуть, что такому экскурсионному проекту, как и любому другому, нужна широкая реклама, а не только размещение на официальных сайтах местных музеев и городской администрации. Можно приурочить торжественное открытие линии к Дню города, Ночи музеев или какому-то другому значимому мероприятию, можно сделать самостоятельным праздником. Главное — чтобы оно было шумным, ярким, привлекательным, широко освещалось в городских и областных СМИ.

Еще один важный момент, который, к сожалению, был упущен всеми организаторами уральских «линий», кроме пермяков, — информация должна быть размещена не только в виртуальном

пространстве, но и в реальном. Точнее, нужно сделать так, чтобы ее можно было получить разными способами — кому из экскурсантов как удобнее: на информационных стендах (щитах) около каждого объекта, на сайте проекта, в виде аудиогида, скачать как мобильное приложение на свой гаджет (как в виде печатного текста, так и в голосовом варианте) и т.п. Аудиовариант нужен людям с проблемами со зрением, а также тем, кто предпочитает живой, эмоциональный голос экскурсовода и хочет, чтобы экскурсия была максимально приближена к «обычной». Иначе весь проект сведется только к некоей линии на тротуаре и к сайту в интернете, как это произошло в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и Соликамске. В Соликамске изначально были сделаны информационные щиты, как в Перми, но на их поддержку в должном состоянии, видимо, не хватило сил, и сейчас они либо отсутствуют, либо текст на них трудноразличим. Понятно, что такое отношение к делу сводит весь проект на нет.

Для обслуживания линии необходимо организовать несколько так называемых колл-центров, которые могли бы размещаться в точке начала экскурсии (скажем, в музее истории Оренбурга), в любом другом музее на всем пути маршрута, а также на вокзале и в крупнейших гостиницах города. Здесь можно было бы продавать или даже выдавать бесплатно карты-схемы и путеводители по маршруту, аудиогиды, оказывать услуги по скачиванию информации на гаджет туриста, продавать сувениры и печатную продукцию краеведческого характера, принимать заявки на экскурсию с «живым» гидом. Работать в таких колл-центрах вполне могли бы студенты-практиканты (историки, переводчики, будущие специалисты в сфере туризма), волонтеры. Еще было бы неплохо, если задаваться целью привлекать иностранных туристов, чтобы информация — как письменная, так и устная — была представлена хотя бы на двух языках — русском и английском. А учитывая специфику региона, может быть, и на казахском — как проявление уважения к ближайшим соседям.

Есть смысл перенять опыт Перми и не ограничиваться только одной обзорной линией. Можно постепенно дополнять ее различными тематическими линиями (чем больше разных цветов в окраске города, тем лучше!). Это могут быть и биографические линии, посвященные местам пребывания в городе известных людей, романтическая линия, мрачная линия, связанная с темой ссылки и репрессий в истории города, линии разных эпох (Оренбург XIX века, советский Оренбург) и т.п. Неизменно вызывает большой интерес мистическая линия — если в городе найдется достаточно легенд, преданий и загадочных мест.

Одним словом, культурное наследие Оренбурга позволяет придумать массу вариантов таких маршрутов. Главное — чтобы подача была интересной, доступной, но при этом исторически точной. Ожидать мгновенной отдачи от такого проекта в виде больших барышей или притока гостей из-за рубежа не стоит — он призван в первую очередь привлекать внимание, вызывать интерес, а потому и строится как доступный для туристов, в том числе и в материальном плане. Однако через такие проекты зарабатывается репутация, приобретается известность, благодаря которым, возможно, вслед за путешественниками-романтиками, которые ходят пешком по бесплатному маршруту, в Оренбург потянутся и солидные люди с серьезными запросами и выгодными предложениями. А местные жители получат еще один повод гордиться своим городом и вносить свой вклад в его дальнейшее развитие и процветание.

Список использованных источников

1. Богданова О. Идите по стрелкам // Пятница. 2010. № 23 (479), 18 июня.
2. Гиды России // Индивидуальные экскурсии по Оренбургу. URL: <http://russiaguides.ru/orenburg?yclid=6789371195358973011>.
3. Михеенко Д. «Красная линия» создаст в Перми «любовь-кольцо». URL: <http://59.ru/newsline/398581.html>.
4. Распопов П. «Золотая линия». В Перми появился еще один экскурсионный маршрут. // Ураловед. Портал знатоков и любителей Урала. URL: <https://uraloved.ru/novosti/zolotaya-liniya>.
5. Тонкости туризма // Отзывы туристов. URL: https://tonkosti.ru/%D0%9E%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2%D1%8B_%D0%BE%D0%B1_%D0%9E%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B5.

НАШИ ИСТОКИ

С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков

Изучение памятников Золотой Орды в Институте археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

Территория современной Оренбургской области в средние века два столетия была частью Золотоордынского государства. Поселенческие и погребальные памятники Золотой Орды в наши дни являются одними из объектов культурного наследия Оренбуржья [8, с. 124]. Основная задача этой статьи — ознакомить коллег с новейшими исследованиями материальной культуры Золотоордынского государства, осуществляемыми Институтом археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Целью казанских археологов, помимо изучения памятников археологии Золотой Орды и ее наследников — татарских ханств на территории Татарстана, является активизация работ за пределами республики. Золотоордынские памятники археологии — это крупные города и небольшие поселения, грунтовые могильники и величественные мавзолеи, которые встречаются в Калмыкии и Сибири, в Поволжском регионе и Оренбуржье [10, с. 177—178], на Северном Кавказе и в Крыму. Некоторые из них достаточно давно известны научному сообществу, и на них уже проводились исследования, часть выявлена относительно недавно, и те и другие нуждаются в комплексных исследованиях. Археологическое изучение золотоордынских памятников позволяет современной исторической науке постоянно наращивать комплекс историко-археологических источников, что в конечном итоге способствует новому прочтению истории различных народов современной Российской Федерации в средние века.

Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ проводит исследования ключевых золотоордынских памятников как на территории Татарстана (Болгарское городище), так и за пределами республики: Укек (Саратовская область), Искер (Тюменская область), Селитренное городище — первая столица государства (Астраханская область), Красноярское городище (Астраханская область), Касимов (Рязанская область), Маджар (Ставропольский край), а также поселение Эски-Юрт и загородный дворец крымских ханов Ашлама-Сарай (Республика Крым) [12]. Кратко рассмотрим результаты археологических исследований на этих памятниках, полученных на сегодняшний день.

Болгарское городище. Находится в Спасском районе Республики Татарстан на левом берегу реки Волга в 30 км ниже устья реки Кама. Это обширное городище площадью около 400 га, окруженное оборонительным рвом и валом.

За шесть последних лет на памятнике были проведены значительные археологические работы, охватившие все части города, его фортификационные сооружения, жилые, хозяйственные и производственные комплексы [13, с. 14, 15]. Высокий уровень археологических исследований был одним из важнейших факторов, повлиявших на включение Болгара в 2014 г. в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Городище Увекское. Расположено в Саратовской области на территории современного города Саратова на его южной окраине. Является остатками одного из крупных и наиболее ранних городских центров Золотой Орды — города Укека. Значительная часть городища была размыта водами Волги, в настоящее время территория памятника застроена и разрушается современной хозяйственной деятельностью города Саратова.

В результате работ 2014—2016 гг. на территории Увекского городища получены новые данные и обобщены старые сведения о его южной окраине, проведены первые исследования западного могильника, а также археологические раскопки в центральной, наиболее насыщенной материалами части городища, где глубина культурного слоя составила от 2 до 4,2 м. В ходе работ получена значительная коллекция из более чем 10 000 археологических находок [9, с. 170—171].

Искер («Кучумово городище») — столица Сибирского ханства. Расположено в Тюменской области, находится в 17 км к юго-востоку от Тобольска. Город был основан еще в домонгольское время, затем стал частью Золотой Орды, в конце XV—XVI вв. являлся столицей Сибирского ханства. Сильно разрушен рекой Иртыш. Площадку городища, от которой осталась узкая полоса шириной до 10 м, отделяет от napольной стороны овраг со стороны р. Сибирки. В настоящее время верхняя площадка городища практически полностью обрушилась. Земляные работы возможны по склону оврага, отделяющим городище с napольной стороны, в котором сохранился культурный слой. Однако работы здесь затруднены из-за наличия густого лиственного леса.

Работы в 2014—2015 гг. были сосредоточены на нескольких объектах. С napольной стороны городища площадка свободна от леса и долгое время распахивалась. В ходе работ был выявлен грунтовый могильник на площади 100 кв. м, изучены 4 погребения. Погребенные ориентированы головой на запад, с отклонениями к северу [1, с. 291—293]. В результате работ впервые исследованы

погребения в центральных районах Сибирского ханства, произведенные по мусульманскому обряду [2, с. 16—18].

Селитренное городище. Расположено на правом берегу реки Ахтуба, одного из ответвлений Волги в 120 км севернее г. Астрахань. Плановые исследования Института на Селитренном городище — столице Золотоордынского государства при хане Узбеке городе Сарая-ал-Махруса — проводятся с 2005 г. Изучаются как жилые, так и производственные комплексы в северо-восточной (исторически — центральной) части памятника на «Больничном бугре» у берегового обрыва реки Ахтуба [7, с. 212—215].

Красноярское городище. Один из крупных городов Золотой Орды расположен в Астраханской области, в дельте Волги. В настоящее время полностью застроен современным селом. По мнению ряда исследователей, является остатками города Сарая — самой первой и ранней столицы ордынских ханов на Нижней Волге в XIII в.

Целью археологических исследований 2014—2015 гг. было уточнение информации об уже известном памятнике археологии («городище Красный Яр»), а также сплошное обследование на выбранной заранее территории (округи «городища Красный Яр») на наличие памятников археологии. Работы на территории городища позволили получить важную информацию о границах памятника археологии и мощности археологического культурного слоя. Удалось выявить наличие мощного насыщенного культурного слоя золотоордынского периода, находящегося под осадочными слоями в низинной части поселка, примыкающей к реке Маячная [11, с. 164—169].

Город Касимов. Расположен на территории Рязанской области. Столица Касимовского ханства — татарского ханства в центре России, сохранившегося в качестве удельного княжества до конца XVII в. В городе сохранилась мечеть, возведение минарета (XV в.) которой приписывают хану Касиму — сыну основателя Казанского ханства Улу Мухамеда.

Город Касимов берет свое начало от Городца Мещерского, основанного в конце XIII в. Ширинами, знатным татарским родом, одним из главных в Золотой Орде. В середине XV века Городец Мещерский был отдан Касиму, сыну хана Улу-Мухамеда, за оказанную помощь великому князю московскому Василию Васильевичу в восстановлении на московском престоле. С точки зрения археологии город Касимов и касимовское ханство практически не изучены. Археологические исследования ведутся Институтом археологии им. А. Х. Халикова в этом городе с 2009 г. Раскопки показали отсутствие культурных напластований середины или второй половины XV века в центральной части Касимова возле ханской мечети. В 2014 г. был заложен шурф возле минарета ханской мечети, который датируется историками серединой XV в. Материалы шурфа не выявили напластований середины или второй половины XV в., котлован минарета, выявленный в шурфе, датирован первой половиной XVI в. Таким образом, подтверждаются сведения некоторых историков о переносе Городца Мещерского на новое место, но датируется это событие не серединой XV в., а первой половиной XVI в. Таким образом, не подтвердились сведения о постройке каменной ханской мечети в середине XV в. [3, с. 182—183].

Городище Маджар (Ставропольский край). Городище Маджары является остатками средневекового города Маджар на Северном Кавказе. Оно занимает площадь около 110 га, современное русло реки Кума делит городище на две неравные части. Меньшая левобережная часть находится под застройкой юго-восточной окраины города Буденновск (Ставропольский край). Большая правобережная часть занимает земли сельскохозяйственного назначения муниципальных образований сел Покойное и Прасковья.

С 2015 г. памятник изучается археологической экспедицией Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Расчищен участок фундамента монументального здания, кладка которого сложена из обожженных квадратных кирпичей, скрепленных глиняным раствором. Она сохранилась на высоте 8 рядов кирпичей. На другом участке в месте скопления на современной пашне битых кирпичей и поливных монокромных изразцов выявлен фундаментный ров шириной 0,9 м от монументального объекта XIV в. Находки с раскопа представлены архитектурными деталями и поливными изразцами, фрагментами красноглиняной и кашинной посуды, медными монетами и костями животных. В центральной части городища впервые при изучении золотоордынских городов исследованы остатки мощенной камнем и битым кирпичом улицы, уточнена хронология напластований памятника в рамках XIV в. Получены интересные материалы по планиграфии торгово-ремесленного квартала, выявлены следы ремесленных производств: цветной и черной металлургии и кожевенного, а также кирпичный фундамент городской усадьбы [4, с. 192—193].

Поселение Эски-Юрт. Золотоордынское поселение конца XIII—XIV в. расположено в Юго-Западном Крыму к западу — северо-западу от Бахчисарайского ущелья в широкой долине, протя-

нувшей с северо-востока на юго-запад, между Третьей и Второй грядами Крымских гор и занято современной застройкой города Бахчисарай.

Возможно, Эски-Юрт был первым золотоордынским поселением в Юго-Западном Крыму и выполнял функции административного центра Улуса Джучи среди земель оседлого византийского населения горной Таврики. В результате исследований удалось совершенно точно определить, где располагался второй городской центр золотоордынского Крыма, уточнить хронологические рамки его существования. Расположение Эски-Юрта повлияло на выбор места для Бахчисарая — столицы нового государства (Крымского ханства) именно в этой местности.

Загородный дворец Ашлама-Сарай. Местоположение загородного дворца крымских ханов удалось определить по картографическим источникам конца XVIII в. Он расположен на юго-западной окраине города Бахчисарая под восточными склонами горного останца Чуфут-Кале в долине, которая и в наши дни называется Ашлама-Дере.

Археологическим работам 2015—2016 гг. предшествовали комплексные естественнонаучные исследования изучаемой территории. Выполнены работы по магниторазведке, в ходе которых были определены наиболее перспективные для изучения участки [6].

В ходе исследований загородного дворца крымских ханов в ущелье Ашлама-Дере были получены уникальные результаты. Естественнонаучные и земляные работы позволили точно определить площадь, занимаемую дворцовым комплексом крымских ханов Ашлама-Сарай XVII—XVIII вв., ранее известным лишь по письменным и картографическим источникам. Была выявлена мощность культурного слоя, собрана коллекция индивидуальных находок и массового материала, включающая в себя предметы из железа, стекла и фрагменты глазурованной и неполивной посуды, подтверждающей датировку и назначение памятника. Впервые в отечественной истории удалось зафиксировать садово-парковую распахку тюркского позднесредневекового дворца. Работами в целом удалось установить местоположение загородного дворца крымских ханов [5].

Научная программа Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан по изучению памятников археологии Золотой Орды и тюркских ханств — наследников этого государства продолжается и далека от завершения. Ее участники стараются оперативно вводить в научный оборот материалы новейших археологических исследований. В 2017 г. планируется начать изучение последней золотоордынской столицы, основанной ханом Джанибеком города Сарай-ал Джедид (Царевское городище в Волгоградской области). Мы надеемся на то, что совместные археологические исследования памятников Улуса Джучи будут привлекательны для специалистов из других российских регионов, и на сотрудничество и участие в них оренбургских коллег.

Исследование проведено в рамках выполнения государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014—2019 годы)».

Список использованных источников и литературы

1. Адамов А. А. Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 291—300.
2. Адамов А. А. Хронология городища Искер (анализ имеющихся материалов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. Ч. 3. С. 16—20.
3. Ахметгалин Ф. А., Хамзин Р. Н., Беляев А. В., Мирсияпов И. Ю., Ситдилов А. Г. Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 182—201.
4. Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г. Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. (Нижняя Волга и Северный Кавказ) // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции / отв. ред. П. М. Кольцов. Элиста : Изд-во Калмыцкого гос. ун-та, 2016. С. 192—197.
5. Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г. Загородный дворец крымских ханов Ашлама-Сарай. Комплексное исследование памятника археологии // Реставрация и сохранение археологических объектов культурного наследия : V Бахчисарайские науч. чтения памяти Е. В. Веймарна, посвящ. 100-летию со дня основания Бахчисарайского музея : тез. докл. Бахчисарай, 2017. С. 10—11.
6. Бочаров С. Г., Ситдилов А. Г., Бездудный В. Г. Поиски загородного дворца крымских ханов Ашлама-Сарай. Археологические и геофизические исследования // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017 (в печати).
7. Валиев Р. Р., Пигарев Е. М., Мухамадиев А. Г., Ситдилов А. Г. Археологические исследования «Больничного бугра» Селитренного городища 2006—2009 гг. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 212—251.
8. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XV вв. М. : Наука, 1985. 244 с.
9. Кубанкин Д. А. К вопросу о хронологии Укека и памятников его округа // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы VII Междунар. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова / отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов. Кишинев : Stratum plus, 2016. С. 170—176.
10. Матюшко И. В., Краева Л. А., Купцова Л. В. Серебряные дирхемы Золотой Орды в степном Приуралье // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды : материалы VII Междунар. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова / отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов. Кишинев : Stratum plus, 2016. С. 177—179.

11. Пигарев Е. М. Красноярское городище и его округа // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 164—174.
12. Ситдииков А. Г. Археологические исследования средневековых тюркско-татарских памятников // V (XIX) Всероссийский археологический съезд : сб. науч. тр. / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2017. С. 954—955.
13. Ситдииков А. Г., Бочаров С. Г., Масюта Д. А., Иोजица Д. В., Куликов А. В., Лесная Е. С., Яворская Л. В. Раскоп СХСIX // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свяжск. Казань : Издат. дом «Казанская Недвижимость», 2015. С. 16—18.
14. Ситдииков А. Г., Бочаров С. Г., Масюта Д. А., Иोजица Д. В., Лесная Е. С., Яворская Л. В., Данильченко А. И. Раскоп СХСIX // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск. Казань : Издат. дом «Казанская Недвижимость», 2016. С. 13—15.
15. Ситдииков А. Г., Бочаров С. Г., Иोजица Д. В., Куклина А. А., Яворская Л. В. Раскоп СХХVI // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свяжск. Казань : Издат. дом «Казанская Недвижимость», 2017. С. 13—15.

Б. С. Боранбаева

Роль Великого Шелкового пути в формировании и развитии города Сарайчик

Великий Шелковый путь, сформировавшийся во II в. до н. э., является древней караванной магистралью, проходившей через всю Евразию — от Китая до Средиземного моря. Разветвляясь, он проникал во все уголки тогдашнего мира и оказывал влияние на все сферы жизни. Великий Шелковый путь формировал торговые и культурные связи между народами и странами, сближал мировые цивилизации, которые взаимовлияли и взаимообогащали друг друга. Можно сказать, караванный путь был началом процесса глобализации мира, идущего сегодня полным ходом. В начале нашей эры возрастает роль Шелкового пути как важной торговой дороги и начинается период его расцвета. Нагруженные шелком караваны из Китая, драгоценные камни и пряности из Индии, серебряные изделия Ирана, византийские ткани, посуда из афросиабской глины и другие изделия, покупаемые и продаваемые торговцами из разных стран, караванами пересекали древнюю Сары-Арку, проходили через горные дороги Памира и Тянь-Шаня, Алтая и Карата, пересекали пески пустынь Кызылкумов и Каракумов, вдоль берегов Амударьи и Сырдарьи направлялись дальше в оазисы Хорезма. Беря начало в районе долины реки Хуанхэ, Великий Шелковый путь на территории современного Казахстана разветвлялся в двух направлениях — северном и южном. Южное направление выходило через Фергану к побережью Черного моря и далее к Средиземноморью. Однако названные направления были непостоянными и менялись в зависимости от международных политических и экономических ситуаций. Так, например, в V—VI вв. появилась новая ветка торгового пути, проходившая через город Хами вдоль Иссык-Куля до Таласской долины и оттуда до Амударьи и реки Урал.

Письменные и вещественные памятники свидетельствуют, что в VI—VII вв. наблюдается наивысший расцвет торговли на участке Великого Шелкового пути, проходившем через Семиречье и Южный Казахстан. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, весь путь этого торгового пути, начиная от Хинганских гор до Причерноморья, находился под контролем тюркских каганов, которые сумели обеспечить полную безопасность прохождения караванов. Доказательством тому являются слова Сюань Цзяня: «...к западу от Суяба находятся несколько десятков городов. У каждого города есть свой правитель. Хотя они не зависимы друг от друга, но подчиняются тюркскому кагану» [1, с. 168]. Во-вторых, тюркские каганы и тогдашнее общество тюрков являлись крупными потребителями товаров. В-третьих, по свидетельству Бартольда, путь, проходивший по Ферганской долине, считался небезопасным [7, с. 31]. В силу данных причин основной магистралью Великого Шелкового пути в VII—XIV вв. становится участок, проходивший через южный Казахстан. В чем же все-таки главная причина такого сильного движения торговых караванов с востока на запад?

В развитое средневековье одним из главных покупателей шелка являлась Византия. Дело в том, что шелк в то время был не только модной тканью среди византийской знати, но он также играл роль международной валюты. За счет оборота шелка Византийская империя могла содержать огромное наемное войско, а ее политический соперник Иран не был заинтересован в усилении этой державы и всячески препятствовал отношениям Запада и Востока, создавал неблагоприятные условия для торговли через свою территорию. Поэтому караваны, шедшие из Китая через Семиречье, сразу начали брать направление к Каспийской низменности через Приаралье и Сырдарью. Оттуда через Северный Кавказ торговые караваны добирались до Константинополя [6, с. 494].

Таким образом формировался и менялся великий торговый путь, названный Шелковым. Как мы знаем, тайной шелка вначале владели только китайцы, но позднее технологией его производства овладели согдийцы и жители городов Восточного Туркестана. И они составляли сильную конкуренцию Китаю в продаже шелка на Запад.

единовластия (с 1462 г.) [1, с. 185]. Труды В. Н. Татищева по истории не всеми современниками принимались однозначно. Ряд историков (например, Н. М. Карамзин) [4, с. 264] осуждали его за недостаточно критическое отношение к историческим источникам. Однако, по мнению С. М. Соловьева, вклад Татищева в историческую науку состоял в том, что он первым начал исследования в Российской империи на научной основе [1, с. 187].

У В. Н. Татищева появились враги, которые любыми доступными способами хотели избавиться от его «преобразований уклада жизни» [3, с. 281]. В ответ на все челобитные правительством была создана следственная комиссия, и он был удержан в Санкт-Петербурге. Сложилась необычная ситуация: начальника Экспедиции Татищева сняли с должности, а все его предложения будущих мероприятий были одобрены правительством, но стали несколько позже реализовываться новыми начальниками Оренбургской комиссии. Иностранцы доказали, что снятие с должности объяснялось тем, что в дело Василия Никитича вмешался Э. Бирон [6]. Татищева сняли не за его управление комиссией [7], а за противодействия фавориту императрицы [8]. Доносы оренбургских чиновников были лишь поводом, чтобы создать следственное дело.

Таким образом, В. Н. Татищев за короткий срок пребывания на посту начальника Оренбургской экспедиции многое сделал для налаживания ее работы. Его предложения, в том числе о переносе г. Оренбурга ближе к центральным регионам, создали условия для основания крепостей, усиления торговли с казахскими и среднеазиатскими ханствами. Личность Татищева привлекала и продолжает привлекать многих исследователей. Выдающемуся русскому ученому посвящены статьи, очерки, монографии, конференции. В память о Василии Никитиче оренбургские казаки называли его именем одну из первых станиц, которая сохранила свое историческое название до наших дней (Переволоцкий район).

Список использованных источников и литературы

1. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. 242 с.
2. Кузьмин А. П. Татищев. М., 1987. 252 с.
3. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1949. 312 с.
4. Рычков П. И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Уфа, 2001. 316 с.
5. Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30—40-е гг. XVIII в. Самара, 1997. 196 с.
6. Daniels R. L. V. N. Tatishchev and the Succession Crisis of 1730 // The Slavonic and East European Review. London, 1971. Vol. 49, N. 117. P. 550—559.
7. Griffiths D. M. In Search of Enlightenment: Recent Soviet Russian Intellectual History // Canadian American Slavic Studies. 1982. Vol. 16, pas. 3-4. P. 317—356.
8. Kaplan F. J. Tatischev and Kantemir, Two Eighteenth Century Exponents of a Russian Bureaucratic Style of Thought // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1965. Bd. 13, N. 4. S. 497—510.

М. А. Киселев

Влияние политической борьбы среди правящей элиты на назначения в Оренбург в конце 50-х — начале 60-х годов XVIII века

Одним из факторов региональной кадровой политики Российской империи была не только логика бюрократического государства, ведомого идеей «общего блага», а и внутриэлитарные отношения. В данной статье мы рассмотрим проблему влияния столичной политической борьбы на назначения в Оренбург в конце 50-х — начале 60-х гг. XVIII в.

В 1758 г. по делу А. П. Бестужева-Рюмина, в котором была замешана и вел. кн. Екатерина Алексеевна, был арестован герольдмейстер В. Е. Адодуров. По итогам следствия его указом от 5 апреля 1759 г. освободили из-под ареста и отправили «губернаторским товарищем» в Оренбург. Это назначение являлось почетной ссылкой, так что Адодуров старался с помощью своих столичных знакомств добиться отзыва из Оренбурга. Весной 1760 г. он обратился к Ивану Илларионовичу и Роману Илларионовичу Воронцовым с просьбой «о возвращении его из того места постараться» и узнать, «за болезнью его не можно ль оттуда свободить». Отметим, что адодуровское письмо доставил сын П. И. Рычкова Андрей, так что Адодуров попросил похлопотать и о нем. В связи с этим Иван Илларионович просил Романа Илларионовича «и для меня господину Рычкову способствовать, ибо мне его отец несколько знаком, а оной Андрей Рычков поручиком, и просил Военную к[оллегию], чтоб ему из Оренбурга в заграничную армию в полках позволено было служить» [17, л. 161]. И если А. П. Рычков получил это назначение, то Адодурову с учетом придворных конъюнктур не приходилось рассчитывать на скорую отставку.

Следует заметить, что в силу особенностей положения Оренбургской губернии ее губернатор по указу от 15 марта 1744 г. должен был «ведать и Киргизской народ и тамошния пограничныя дела». Учитывая особую важность таких дел, они наравне с политическими делами по «слову и делу» решались в Секретной экспедиции Оренбургской губернской канцелярии (ОГК), к работе в которой допускался узкий круг доверенных чиновников, руководимых непосредственно губернатором. После отставки И. И. Неплюева с должности оренбургского губернатора указом от 10 февраля 1758 г. «секретные дела (между которыми разумеются и заграничные)» было предписано до прибытия нового губернатора «исправлять» генерал-майору А. И. Тевкелеву и члену ОГК коллежскому советнику П. И. Рычкову. Согласно мемуарам последнего, он из-за ухудшения здоровья в конце 1758 г., «дабы в таком случае не произошло какого упущения, принужден был моих патронов утруждать прошением об определении в Оренбург настоящего губернатора» [7, с. 338].

Указом от 19 апреля 1759 г. губернатором был назначен тайный советник А. Р. Давыдов. Он прибыл в Оренбург 1 июля, а уже 6 июля, основываясь на предыдущих указах из столицы, которые позволяли Тевкелеву и Рычкову принимать участие в решении «заграничных дел», предписал им «при тех секретных и заграничных делах... присутствовать с ним... обще, и отправлять те дела тем же порядком и формою, как оные донныне ведены были» [2, л. 261—263]. Давыдов явно не знал всех тонкостей местных реалий, и привлечение опытных местных чиновников могло позволить избежать ему ошибок во взаимоотношениях с кочевниками. В итоге тот же Рычков мог со всей справедливостью утверждать, что он, будучи в 1751 г. определенным в качестве члена ОГК «у дел в той Оренбургской губернии», по 1761 г. служил там «как при внутренних, так и заграничных делах губернаторским товарищем» [13, л. 2—2 об.].

Однако в феврале 1760 г. от дел в ОГК фактически отходит А. И. Тевкелев, а в марте — П. И. Рычков, так что «заграничные дела» оказались исключительно в ведении А. Р. Давыдова. Члены ОГК — В. Е. Адодуров и И. А. Коптяжев — привлекались для работы в Секретной экспедиции только по вопросам «слова и дела» [3, л. 120, 162, 254]. В результате уже летом 1761 г. Давыдов написал в столицу, что он, «находясь один при заграничных делах, которые по большей части требуют скорого исполнения, с трудности по оным при частых своих болезнях исправляется». Давыдову — ветерану Северной войны — было уже более 60 лет, так что его жалобы на здоровье могли иметь объективный характер. Так или иначе, губернатор фактически заявил о своей неспособности одному решать «заграничные дела». Утверждая, что «при нынешних киргис-касацкаго народа обстоятельствах тамошния дела требуют достаточного разсуждения и скорого отправления», он просил допустить к этим делам бывших в ОГК «в должности вице-губернаторской статского советника Адодурова или коллежского асессора Коптяжева» [16, л. 6]. Коптяжев еще в начале 1740-х гг., будучи канцеляристом, трудился в канцелярии Оренбургской комиссии под руководством секретаря Рычкова [10, с. 61]. Вскоре он сам стал секретарем ОГК и привлекался И. И. Неплюевым к решению важных дел [1, с. 773, 881]. В 1749 г. ему был пожалован чин коллежского секретаря, а к 1760 г. он был коллежским асессором и членом ОГК, т.е. он должен был приобрести немалый управленческий опыт. Однако указом Коллегии иностранных дел от 9 ноября 1761 г. за подписью М.И. Воронцова было предписано в ОГК «по всем тамошним заграничным делам... присутствовать» Адодурову [16, л. 6—6 об.]. Похоже, что на такое решение столичные знакомства оказали большее влияние, нежели наличие у чиновника знаний местных реалий.

Впрочем, В. Е. Адодуров вскоре после этого указа был отозван назад в столицу. После свержения Петра III Екатерина II вспомнила про него и 1 августа 1762 г. произвела в тайные советники и президенты Мануфактур-коллегии, а также указала выплатить ему жалование, которое он недополучил «чрез все то время, как содержался под арестом безвинно». Накануне этого распоряжения императрица другим указом — от 27 июля 1762 г. — предписала бывшему тайному секретарю Петра III «Дмитрию Волкову быть в Оренбургской губернии вице-губернатором» [19, с. 211—212, 208]. Волков, до этого назначения служивший в основном в столичных учреждениях, практически не имел опыта работы в региональных учреждениях. Конечно, что-то об Оренбурге ему мог рассказать П. И. Рычков, который в 1761 г. встречался в Петербурге с Волковым [13, л. 1]. Кроме того, в письме от 26 мая 1763 г. Г. Ф. Миллеру Рычков написал, что Волков «мне весьма уже давно знаком, а я его всегда считал моим приятелем» [12, с. 72]. Однако едва ли это послужило причиной его отправки в Оренбург. Дело в том, что Волков был одной из персон, работавших над следствием по делу А. П. Бестужева-Рюмина. Получалось, что «безвинно» пострадавший по этому делу В. Е. Адодуров возвращался из почетной ссылки, а на его место в такую же ссылку отправлялся один из бывших следователей. Конечно, Волков, долгое время служивший в Коллегии иностранных дел, мог быть задействован в Оренбурге по вопросам «пограничных дел». Однако в указе о его назначении ничего

не было сказано о том, что он имеет право допуска к таким делам. Не менее показательным и то, что когда в Сенате был поднят вопрос о жаловании Волкову, то «по справке» оказалось, что «в Оренбургской губернии вице-губернаторов не положено» [20, с. 431]. Должность оренбургского вице-губернатора учреждалась сверх штата по повелению монарха, а решающую роль в этом играла логика политического наказания, а не нужды местного управления.

После свержения Петра III Д. В. Волков попытался наладить отношения с фаворитом императрицы Г. Г. Орловым, а через него и с самой Екатериной II. Волков, направляясь к новому месту службы, 23 сентября 1762 г. из Казани отправил ему письмо, посвященное проблемам регионального управления. Письмо заинтересовало Екатерину II, и она повелела обсудить его в Сенате 22 октября 1762 г., а также указала написать Волкову, чтобы он «репортовал о нужных делах, о которых в Сенат пишет; в том же письме требовать от него обстоятельного описания тамошних дел в разсуждении Киргизов и Башкирцов и о том на мое имя прямо писал» [9, с. 169, 171—172]. По получении такого распоряжения Волков 31 января 1763 г. написал императрице, что не может полностью исполнить ее предписания, так как «по учреждению о здешней губернии все важныя дела, то есть иностранныя, пограничныя и военныя, поручены одному губернатору, а мне с прочими членами остаются одни земския и судныя» [14, л. 7 об. — 8]. В другом письме императрице — от 26 мая 1763 г. — Волков заявлял, что по вопросам торговли с «бухарцами и хивинцами», а также отношений с кочевниками «ни губерния, ни таможня, не имея о том никакого указа, не дают мне и доныне прямым образом никакого о том сведения, так что я в сих делах признаваюсь здесь за самага посторонняго человека». И далее он утверждал, что, пребывая в Оренбурге, «увидел, что, с одной стороны, связанныя имею руки какую-либо приносить пользу, а напротиву того ежеминутно опасаться надобно, чтоб мерзостными приказными крючками, к нещастию всегда дурным изтолкованием указов покрытыми, не войти в проступок» [11, с. 444, 445].

Конечно, Волков несколько преуменьшал свои реальные возможности. Так, будучи уже оренбургским губернатором, 13 июня 1763 г. Волков написал в доношении в Сенат, что он «еще в бытность здесь недавно отъехавшего губернатора господина Давыдова начал таможню и меновой двор посещать, и что поправления требовало, то поправлять» [15, л. 151—151 об.]. Тем не менее к нему как к приближенному свергнутого императора могли относиться с осторожностью, и Давыдов без прямого указа из столицы не рисковал допускать Волкова к сведениям, которые проходили по ведомству Секретной экспедиции ОГК. В конце концов, П. И. Рычкова и А. И. Тевкелева он допустил к таким делам без прямого указа из столицы, а в случае с В. Е. Адодуровым счел необходимым направить соответствующий запрос. Так что в отношении с Волковым, похоже, имело место именно его неприятие со стороны Давыдова, что и накладывало ограничения на волковские действия.

Положение А. Р. Давыдова к этому времени было неустойчивым, так как он не смог выстроить хороших отношений с ханом Младшего жуза Нуралы и его братьями, которые на него «с самага его туда прибытия возымели неудовольствие... а потом что далее, то более их к нему неудовольствие умножалось, по причине происходящих с ним дел» [4, л. 110 об. — 111]. 11 апреля 1763 г. Коллегия иностранных дел предложила Екатерине II, чтобы Д. В. Волков «имел общее правление с ... Давыдовым по пограничным делам так, как имел в том участие тайн. сов. Адодуров». Екатерина одобрила в целом это предложение [20, с. 509]. Однако уже 13 апреля она писала генералу-прокурору А. И. Глебову, что «в иностранной коллегии многия жалобы доходят с разных сторон на оренбургскаго губернатора Давыдова», и задавала вопрос о том, что «не полезнее ли будет для наружных и внутренних тамошних пограничных мест и дел онаго губернатора сменить» [18, с. 278—279]. Затем 15 апреля Сенату был сообщен ее указ об отставке Давыдова и предписано выбрать кандидатов «для пограничных дел и надобных ныне препоручений в Оренбургскую губернию в губернаторы» и представить их императрице. Список кандидатов был представлен 29 апреля, однако Екатерина II никого из них не выбрала и предписала до назначения в Оренбург нового губернатора «поручить Оренбургскую губернию тамошнему вице-губернатору» [20, с. 375, 393]. При этом еще 26 апреля она написала Волкову: «Старайтесь и впредь о киргиских и башкирских делах, точныя собрав известия, обстоятельно мне представить; и пекитесь о приведении в лутчее состояние тамошней с Хивинцами и Бухарцами коммерции, и о прекращении вкравшихся не порядков». И далее ему было сделано предложение занять место Давыдова. Императрица при этом заявила, что ей «знающий в политических делах человек, в такой отдаленной и пограничной губернии, весьма надобен» [6, с. 490].

Д. В. Волков ответил на предложение императрицы обширным письмом, в котором обозначил основные проблемы, связанные с управлением Оренбургской губернией и исполнением обязанностей ее губернатора. Он жаловался на здоровье и заявлял, что «чем больше чувствую важность сея монаршей... доверенности, тем меньше нахожу в себе способности исполнить ожидание». Однако

Волков все же напрямую не отказался от должности [11, с. 445, 446, 451—452], и уже 13 июня состоялся указ о его назначении губернатором. По утверждению П. И. Рычкова, Волков стал управлять губернией с 6 мая 1763 г. [8, с. 239]. Однако А. Р. Давыдов как губернатор подписал последний протокол по Секретной экспедиции ОГК только 30 мая 1763 г. Как временно исполняющий обязанности губернатора, Волков стал подписывать такие протоколы только с 4 июня, а как губернатор — с 27 июня [5, л. 282—283, 290—290 об.], т.е. он стал управлять губернией с июня 1763 г.

Итак, в силу своего положения Оренбург занимал немаловажное место в имперской политике середины XVIII в. Однако его удаленность от столицы и местная специфика явно не способствовали популярности этого места службы среди представителей правящей элиты. В то же время Оренбург мог рассматриваться и как место для почетной ссылки, что в некоторых случаях способствовало значению их на руководящие должности Оренбургской губернии.

Работа выполнена при поддержке комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-37 «Институциональные практики в государственном строительстве и социальная интеграция в России XVII — начала XX в.».

Список использованных источников и литературы

1. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань : Типо-литография В. М. Ключникова, 1897. 361 с.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 50.
3. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 55.
4. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 68.
5. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 69.
6. Дмитрий Васильевич Волков. Материалы к биографии. 1718—1785 // Русская старина. 1874. Т. XI. С. 478—496.
7. Жизнь и деятельность П. И. Рычкова. Т. 1. Оренбург : Оренбургское кн. изд-во, 2012. 608 с.
8. История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. Т. IV. Алматы : Дайк-пресс, 2007. 368 с.
9. Киселев М. А. К истории неформальных отношений среди правящей элиты Российской империи (на материалах переписки Д. В. Волкова 1761—1763 гг.) // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург : АсПУр, 2014. С. 162—183.
10. Матвиевский П. Е., Ефремов А. В. Петр Иванович Рычков. 1712—1777. М. : Наука, 1991. 272 с.
11. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, ч. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 666 с.
12. Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1867. 184 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 11. Оп. 1. Д. 835.
14. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813.
15. РГАДА. Ф. 248. Д. 3452.
16. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1411.
17. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 130.
18. Сборник Русского исторического общества. Т. 7. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1871. 417 с.
19. Сенатский архив. Т. XI. СПб. : Сенатская тип., 1904. 843 с.
20. Сенатский архив. Т. XII. СПб. : Сенатская тип., 1907. 706 с.

Н. Л. Семенова

Этапы правительственной политики в Оренбургском крае в XVIII — первой трети XIX в. (по материалам всеподданнейшего отчета В. А. Перовского)

Военный губернатор командир Отдельного Оренбургского корпуса В. А. Перовский первый раз возглавлял Оренбургский край с 1833 по 1841 г. Перед своим отъездом в столицу в декабре 1841 г. он поручил Я. В. Ханькову, служившему с 1836 по 1842 г. чиновником особых поручений при военном губернаторе, составить «Отчет по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 год» [9]. Этот отчет стал итоговым за весь период деятельности военного губернатора.

Документальная публикация «Отчета по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 год» с обширными комментариями была осуществлена И. М. Гвоздиковой [1]. Она пришла к выводу, что «Отчет» характеризует многие стороны жизни Оренбургского края, основные направления деятельности военного губернатора. Ценность отчета, по мнению Гвоздиковой, состоит в том, что В. А. Перовский достаточно откровенно излагал свое мнение по многим вопросам управления, зная, что документ предназначен лично императору и не подлежит оглашению [1, с. 25]. Материалы отчета введены в научный оборот исследователями истории Оренбургского края [4; 5].

Целью статьи является анализ этапов правительственной политики в Оренбургском крае, выделенных В. А. Перовским в Отчете, который позволит раскрыть цели, задачи административной политики правительства и уточнить имперский статус Оренбургского края в XVIII—XIX вв.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И УМОНАСТРОЕНИЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Е. А. Куприянова

Оренбург и Уфа — две столицы Оренбургской губернии в первой половине XIX века

В дореволюционной России существовало понятие «двух столиц» — Москвы и Санкт-Петербурга (Петрограда). В этих городах проживало высшее чиновничество империи, находились главные имперские инстанции: военные, административные и культурные учреждения, именно в Петербурге и Москве преимущественно проживала династия Романовых, сам император с семьей жил в Александровском дворце в Царском Селе недалеко от Санкт-Петербурга.

В далекой от европейской части страны Оренбургской губернии «негласно» также существовали две столицы — Уфа и Оренбург — в силу ряда причин, одной из которых являлось положение губернии как пограничной и из-за этого обязанной нести погранично-охранную службу силами большого сосредоточения в регионе войск. В то же время губерния, как и прочие, должна была иметь определенный чиновничий аппарат и заниматься многочисленными социальными вопросами. Поэтому губернским городом попеременно назначались то Оренбург, то Уфа. Впоследствии проблему решили, разделив полномочия и ответственность: Уфа стала резиденцией гражданского губернатора, Оренбург — военного.

Свою лепту в вид любого города вносит окружающая среда и климат. Степной климат Оренбуржья обуславливал нехватку сырья для строительства деревянных домов. Строительство ограничивала в некотором роде и постоянная повинность, когда жители вынуждены делить собственное жилье с солдатами и офицерами, расквартированными в городе.

Градостроительство Уфы во многом осложнялось рельефом местности: оврагами, подземными пустотами, отсутствием естественной переправы через р. Белую (Агидель). В Уфе по сравнению с Оренбургом леса хватало, но и горел почти полностью деревянный город часто: в 1803 г. огнем уничтожено 77 домов, в 1804 г. — 83, 1815 г. — 53, 1816 г. — 400, 1819 г. и 1821 г. — 331 жилой дом. В Оренбурге пожары бушевали в конце XVIII и во второй половине XIX в.

В начале века в Оренбурге насчитывалось 6 тысяч жителей, 48 каменных и 1283 деревянных дома [4, с. 45], но в целом город был «в основном одноэтажным, изрядно запущенными местами и весьма опасным в пожарном отношении» [2, с. 45]. В 1837 г. количество каменных и деревянных строений увеличивается: «каменных зданий: 2 собора, 3 приходские церкви, присутственные места, татарская мечеть, Гостиный двор с церковью и таможней, 9 казенных домов, 4 казармы, 1 гауптвахта, 5 кордегардий, 1 тюремный замок, 16 обывательских домов, 19 лавок. Деревянных: лютеранская церковь, 3 казенных дома, до 100 лавок и обывательских домов до 1019. Жителей, кроме военных, 2500 душ» [4, с. 102]. Ограниченное число каменных домов объясняется их дороговизной, поэтому такие здания строились в основном для казенных учреждений или богатейшими горожанами, подавляющее большинство городских жителей проживали в более дешевых деревянных домах.

И все же современники считали Оренбург не лишенным своеобразной красоты: «...уже издали, особенно при благоприятном вечернем освещении, представляется путешественнику приветливым городом. Немного более чем в полумерсте от крепостной стены справа в два ряда друг за другом начинаются первые дома предместья... выделяется агрономическая школа, основанная... Перовским. Непосредственно к ней примыкает военный госпиталь, большое двухэтажное здание. Сим заканчивается одновременно первый ряд домов, и тут становится виден второй... как ни приятно смотреть на эти скромные, маленькие, но приветливые дома, взгляд невольно переводит на другую сторону слева от дороги, где отдельно стоящее грандиозное здание приковывает его своей необычной красивой архитектурой. Оно также построено Перовским, и обычно называется «Башкирский Караван-сарай» [1]. Благоприятное впечатление на естествоиспытателя Т. Базинера город произвел не только издали, но и вблизи: «...перед нами простиралась длинная прямая улица, главная улица Оренбурга... по обе стороны оной попеременно стоят красивые деревянные или каменные дома большей частью одно- и двухэтажные...» [1].

Можно сделать вывод, что, несмотря на малую этажность и ветхость большинства деревянных домиков и ограниченное число каменных зданий, город оказывал неизгладимое впечатление на современников. Караван-сарай, мечети и прочие достопримечательности придавали городу восточный колорит, о чем также упоминают современники: «наружная физиономия Оренбурга была бедна и непривлекательна, небольшая кучка большей частью деревянных одноэтажных домов в тесных стенах земляного вала стояла, как в песочнице... правда Караван-Сарай... со снующими к нему и из него башкирцами, киргизами, хивинцами, бухарцами в пестрой одежде, верблюды... придавали ему полуазиатский характер» [1].

По количеству каменных зданий Уфа уступала Оренбургу и из-за своей деревянной застройки периодически страдала от пожаров. Но в то же время пожары способствовали улучшению архитектурного облика города. Пожар 1821 г. уничтожил старую деревянную застройку: «...улицы узкие, неправильные и дома деревянные; из каменных же зданий существовали только древний каменный собор и денежная кладовая...» [8] и поспособствовал осуществлению плана Гесте. План предусматривал строительство широких прямых улиц, новых каменных церквей, становящихся центрами площадей, и пр. Но уфимцы «бойкотировали» новую застройку города, не торопясь ровнять кривые улочки и переносить свои дома на новые места. Помимо естественного желания сохранить «родовое гнездо» была вполне материальная причина — нежелание тратить личные средства на постройку нового дома.

Эта борьба привела к тому, что в Уфе на протяжении всего XIX в. сосуществовали два района: по правой стороне р. Сутолоки новой застройки, а по левой, соответственно, старой, где проживало большинство малоимущих горожан. В 1825 г. профессор Ф. И. Эрдман так описывал город: «...сколь ни маловажна Уфа как губернский город, при всем том она превзошла мое представление, какое я имел о ней по описанию Палласа и других; ибо, в особенности новая часть оной, имеет очень порядочные строения, старая же... превосходит своею бедностью и описание самого Палласа» [9]. Следует отметить, что Паллас, на которого ссылается Эрдман, оставил об Уфе крайне нелицеприятные воспоминания, описывая ее как «худо выстроенный» обветшалый город с разбросанными по склонам домами и многочисленными оврагами [6, с. 5—7].

В 1825 г. в городе было выстроено 5 каменных и 1084 деревянных дома [2, с. 35]. В 1837 г. «в нем [Уфе] ныне жителей 5900, домов: каменных 16, деревянных 1257, церквей каменных 5, деревянных 4; большие каменные здания занимают Семинарию и Гимназию; Архиерейский дом, Гостиный двор и Магометанская мечеть — суть лучшие в Уфе строения» [4, с. 50]. По данным краеведа Н. Буравцова, в 1837 г. в Уфе было 67 улиц и переулков, 1 каменный мост, 1 общественный сад и 21 частных.

Несмотря на наличие в Уфе многочисленных зданий, имеющих для жителей большое значение, например церкви, присутствия, больница и пр., все же Уфа уступала Оренбургу по количеству домов из камня. Так, Е. В. Банникова подсчитала, что в Оренбурге в 1840 г. было 105 каменных домов при населении в 14 872 человека, а в Уфе же всего 31 дом. По ее расчетам, «каменный дом приходился теперь в Оренбургской губернии на 344 человека» [2, с. 63], т.е. каменных зданий по губернии было ограниченное число.

К тому же оба города не были благоустроены. В Оренбурге улицы, за исключением одной, были немощеные, но благодаря тому что почва состояла из твердого песка, в дождливую погоду грязи было мало. Уфе в этом плане повезло меньше, сложилась даже поговорка: «кто в Уфе не бывал, тот грязи не видал». В Уфе мостить главные улицы начали только с 40-х гг. XIX века, и на 1852 г. мощеными являлись: Большая Казанская, Голубиная, улицы вокруг Соборной и Верхне-Торговой площадей. К середине века на самых оживленных улицах города появились первые тротуары.

Вплоть до конца века (1898) Уфа освещалась уличными фонарями, наполненными различным сырьем, да и то только в центре. С 1865 г. Уфа стала освещаться стеариновыми свечами. В начале века озеленения города не проводилось, первыми спланированными посадками стали в 1830-е гг. деревья на Базарной площади, до этого горожане гуляли около Успенского монастыря, магометанского кладбища и в низинах Белой, где росли липы, ивы, дубы, клен, черемуха, орешник, калина [7, с. 74—83]. Так, в Уфе в первой половине XIX в. «общественных гульбищ до сего времени не было, исключая жалкого бульвара на торговой площади» [8]. Первым не природным, а специально устроенным местом прогулок в центральной части Уфы станет «Софьюшкина аллея», посаженная в 60-х гг. XIX в. по инициативе жены губернатора Аксакова Софьи. Также в этот период (1863 г.) был открыт платный сад купца Блохина, где играла музыка и имелись прочие развлечения.

В Оренбурге в 1841 г. «городские стены служили местом общественного гулянья» [3, с. 218]. Местом летнего времяпрепровождения для горожан служил небольшой лесок, «в котором растут береза, ива и ольха и который почти каждую весну затопляется разлившимся Уралом» [5, с. 245].

Военный губернатор П. К. Эссен первым стал целенаправленно озеленять Оренбург, заставляя горожан разводить палисадники и засадить главную улицу города деревьями. Позже на зауральской стороне города стали разбиваться небольшие аллеи и павильоны. Но именно В. А. Перовскому Оренбург обязан своим превращением в благоустроенный и красивый город. По приказу Перовского были построены Караван-сарай и дом Благородного собрания, начинает вводиться первое уличное освещение и пр.

Таким образом, в первой половине XIX в. и Уфа, и Оренбург, несмотря на свой статус «столиц», мало отличались от уездных городков благоустроенностью: не было специально предусмотренных

мест для отдыха горожан; отсутствие уличного освещения и качественных дорог существенно затрудняли жизнь жителей, перемещающихся по городу пешком, оба города были подвержены опустошительным пожарам.

Список использованных источников и литературы

1. Аверьянов А. Прогулка по столетиям. Исторический очерк об Оренбурге. (Часть 1) [Электронный ресурс]. URL: Zarovednik.ru/izba/?section=9 (Дата обращения 06.11.2017).
2. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). Оренбург, 2011.
3. Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М., 1978.
4. Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837.
5. Дорофеев В. В. Над Уралом-рекой. Челябинск, 1988.
6. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. По велению Санкт-Петербургской императорской академии наук / пер. с нем. Ф. Томанского, В. Зуева. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 1.
7. Семенова С. Ю. Как строилась и жила губернская Уфа (конец XVI — начало XX в.). Очерки. Уфа, 2004.
8. Сомов М. Описание Уфы [Электронный ресурс] // Сайт «Роднов и его друзья». URL: cp809702.cpanel.tech-logol.ru/index.php?id=0. (Дата обращения 06.11.2017).
9. Эрдман Ф. И. Замечания во время путешествия по берегам Камы и в Оренбургскую губернию // Заволжский муравей. Казань, 1834. № 6. С. 340—341.

Е. В. Годова

Страницы повседневной жизни народов Оренбургского края в начале XIX века в контексте имперской политики аккультурации

Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Оренбургский край находился в состоянии непрерывной колонизации, став свободным пространством для формирования нового, сложного по своему составу этноконфессионального населения [2, с. 106—107]. По свидетельству И. Ф. Бларамберга, в Оренбургской губернии жили русские, башкиры, мещеряки, тептяри, черемисы, вотяки, чуваша, мордва, татары, калмыки и кочевые киргизы [1]. Эти народы, несмотря на применяемые к ним механизмы имперской аккультурации, сохраняли свою этническую идентичность, о чем свидетельствует их образ жизни.

Одним из источников изучения повседневной жизни являются воспоминания современников [4, с. 14]. Именно этот источниковый материал послужил базой для характеристики населения Оренбургского края начала XIX в.

Неизвестный автор, давая краткое описание Оренбургской губернии, отмечает, что коренными жителями Оренбургской губернии были мещеряки, тептяри и башкиры. Мещеряки вместе с башкирами несли казачью службу, а тептяри сначала привлекались на казенные работы, затем занимались солевозом, а в начале XIX в. платили в казну по 80 копеек в год с души и содержали два пятисотенных казачьих полка, которые сами и комплектовали. Большая часть мещеряков и тептярей, как и многие государственные крестьяне, жили на башкирских землях, полученных за ясак или за единую повинность содержать мосты, перевозы и прочее; но в связи с тем что границы не были обозначены, башкиры продавали эти земли и другим [3].

На образе жизни населения Оренбургской губернии сказывалась их этническая принадлежность. Поселения русских были достаточно строгой планировки, дворы шириной от 10 до 15 сажень и длиной от 20 до 30 сажень. Столь большое пространство обуславливалось обеспечением безопасности от пожара, однако зимой во время метелей дворы настолько заносило снегом, что поселяне могли весь день отгрести снег, чтобы открыть ворота. Чистотой дворы не отличались, так как русские поселяне содержали много скота, а убирать весь навоз не успевали.

Мордовские и чувашские селения, в отличие от русских, строились не улицами и поэтому были крайне беспорядочными. Дома строили так, чтобы двери выходили на восток. Рядом с дверью располагали маленькое окно, которое не закрывали, так как, по поверью, через него в дом проникал благой дух. Сеней к избам не пристраивали, двери делали низкими, а окна маленькими. Внутри дома располагали большую печь: на шестках сверх обыкновенной горнушки делали другую, под которою подвешивали котел для приготовления пищи. Поэтому избы внутри были темными и закопченными [3, л. 8]. Полати делали выше, чем у русских, и никогда на них не ложились, а использовали только для хранения и сушки вещей. Вдоль стен стояли широкие лавки, которые назывались нарами и служили кроватями и чуланами, так как пространство между верхом и полом закрывалось досками.

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОЦЕССЫ ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

Г. Х. Назарова

Предпринимательская деятельность А. И. Шувалова на Южном Урале

В первой четверти XVIII века в связи с расширением границ Российской империи южная часть Урала имела важное военно-стратегическое, административное и экономическое значение. Возникновение и развитие на Урале крупной металлургической промышленности является одной из ярких страниц в истории России. Первые предприятия появляются на Среднем Урале, где ведущую роль сыграла государственная власть. Спустя полвека начинается горнозаводское строительство на Южном Урале, который в административном плане входил в Оренбургскую губернию. Южный Урал оформился как металлургический район благодаря поощрительным мерам государства, стремившегося освоить природные богатства региона с привлечением предпринимателей, выходцев из разных социальных слоев, которые стремились сюда для увеличения своего капитала.

Развитию партикулярного предпринимательства на Южном Урале способствовал указ 1753 г.: «Во всей Оренбургской губернии казенных железных и медных заводов не заводить, а велеть железные и медные заводы размножать одним партикулярным людям, кто оные заводить пожелает... и чтоб к тому охотники явились, о том во всенародное известие опубликовать указами» [9, с. 907—908]. Через полгода, 25 мая 1754 г., правительство издало новый указ, который разрешал всем желающим «отыскивать в Оренбургской губернии руду, краски и камень на казенных и частных землях и учреждать заводы беспрепятственно по сношению с местным начальством... кто какого чина и достоинства ни был, всех местах как на собственных, так и на чужих землях...» [10, с. 169]. Конечно, охотники нашлись быстро. Одним из таких предпринимателей был граф Александр Иванович Шувалов, начальник Канцелярии тайных розыскных дел, «гроза всего двора», как писала про него Екатерина II.

Для строительства двух медеплавильных заводов на территории Южного Урала А. И. Шувалов весной 1754 г. заключил контракт с симбирским купцом Г. И. Глазовым. Согласно контракту, построить заводы и привести их в действие должен был Глазов, а расходы компаньоны делили пополам. Вначале предполагалось построить медеплавильный завод в верховьях рек Большой и Малый Ик, для чего обе стороны обязались внести по 7 тыс. рублей в течение 1754—1755 гг. Контракт был заключен на 5 лет: с января 1755 по январь 1760 г. [13, л. 934—359; 5, с. 130].

Земли под Покровский завод А. И. Шувалов получил у башкир Усерганской и Суун-Кыпсакской волостей Ногайской дороги с подробным описанием причитаемых земель. За эти земли Шувалов должен был погодно платить по 10 руб. в год в течение 60 лет, т.е. по 600 руб. Управители и работники завода могли на этих землях косить сено, рубить лес. Башкиры же оставляли за собой право неотъемлемо пользоваться бортевыми угодьями, ловить зверей и кочевать «в вешные и летные времена».

Завод начали строить в 1754 г. на реке Большой Ик. В августе 1755 г. восставшие башкиры разрушили строящийся завод, сожгли все строения и приуроченные к производству материалы. Есть документ, рапорт из Оренбургского Горного Начальства в Берг-Коллегию о разорении и сожжении восставшими башкирами Ицско-Покровского (Покровский завод графа А. И. Шувалова в некоторых документах именуется как Ицско-Покровский) медеплавильного завода от 21 августа 1755 г. Документ написан Томасом Христофоровым, который вместе с еще 12 работными людьми был определен для разведки медных рудников для Покровского завода А. И. Шувалова и Г. Глазова на реке Чибинле. Он сообщает, что на руднике Ташлы некоторые работники убиты, другие разбежались. Томас возвращается в Оренбург, где ему сообщили о том, что «15 числа августа... воры башкирцы старшины Шайлы сотник Бек-Булат да сотник же Куватко со множество башкирского народа оруженныя, с копьями, саблями, луками и стрелами и со знаменами, окружа тот его высокографского сиятельства завод, зажгли кирпичные сараи, работничьи шелаши, а потом часовню и все святые образа с церковною утварью и колоколами сожгли, а потом плотину заводскую, хлебные запасные амбары и заводскую ж кантору и находящихся на том заводе людей, которых в то время было более 400 человек, побили из луков и, набегаая, кололи копьями и саблями. И множественное число побито... ис которых до число осталось до 50-ти человек, и те, ежели не укрылись, все побиты ж» [6, с. 138].

В связи с башкирским восстанием 1755 г. были предприняты охранительные меры для металлургических предприятий края. В фондах ГАОО нами были обнаружены указы Сената и определения военной, погодной канцелярии по секретной и пограничной экспедиции. В определении говорится о командировании пехотных рот солдат с пушками на заводы Шувалова и барона фон Сиверса: «хотя бы по 15 человек на завод и пушек дать...» для охраны предприятия [1, л. 398 об., 399,

400]. В указе Сената предупреждается об угрозе нападений и чтобы для безопасности «всех состоящих внутри Башкирии партикулярных и медных и железных заводов в случае противных намерений киргиз-кайсаков так же и башкирцев всегда была предосторожность» [2, л. 193—194].

1 июня 1756 г. строительные работы на Покровском заводе возобновились с возведения деревянной крепости и обнесения заводского места рогатками. Строили под охраной воинской команды, вооруженной 2 пушками. К весне 1757 г. постройка завода была завершена, и 1 апреля завод дал первую плавку. Но через несколько дней заводу «учинилось от большой вешней воды немалое разрушение, 2 вешняка подорвало, и фабрику и две плавильные печи разнесло и смыло без остатку» [7, с. 258]. Граф Шувалов своим капиталом, «не имея ни собственных, ни приписных крестьян, вольными и мастеровыми людьми, нанимаемыми в Казанском, Хлыновском и протчих по близости оных уездов с указанием пашпорты, разстоянием от завода от 700 и до 900 верст повелел завод строить» [7, с. 258]. Предпринимателям в третий раз пришлось приступить к строительству завода. 8 ноября 1757 г. были пущены 3 плавильные печи, к 1759 г. завод достроили полностью. В результате этих бедствий работа по строительству завода продолжалась 2 года и 3 месяца, затраты составили более 100 тыс. рублей, что оказалось Г. Глазову не под силу. Весной 1758 г. он вышел из компании, уступив свою половину завода Шувалову. Шувалов возместил Глазову половину затрат и стал единоличным владельцем Покровского завода [11, л. 6—13].

В качестве компенсации за вышеупомянутые неудачи в строительстве Покровского завода, по указу Сената от 11 апреля 1760 г., графу А. И. Шувалову предоставлялось монопольное право на поиск и добычу медной руды на левом берегу реки Яик в течение 10 лет. Служащими Покровского завода было обнаружено 12 месторождений, расположенных на казахской стороне Яика, которые были приписаны к заводу [7, с. 601]. К середине 1760-х гг. за Покровским заводом в заякских степях было закреплено более 110 рудников [5, с. 131]. В деле описания Покровского завода упоминается: «196 рудников принадлежащих к заводу еще и не описанных 40 рудников, а всего рудников 237...» [11, л. 6 об.].

В фондах ГАСО сохранились описания медных рудников Покровского завода 1769 г., когда предприятие находилось уже у компании И. Твердышева и И. Мясникова. Это рудники № 5 и 6, находящиеся по рекам Урман-Юшатырь по течению и на правой стороне на территории Кипчакской волости. Рудники длиной и шириною по 250 сажен. В документе приводится подробный план рудников [3, л. 1].

Из вышеизложенного можно сделать заключение, что Покровский завод был построен на месте, где рудных месторождений было немного. Приписанные к предприятию рудные месторождения находились в основном за Яиком. Каргалинские рудники находились в 200 верстах к западу от завода. Все это приводило к дополнительным издержкам производства. И хотя эта руда была богатой, давала при тогдашней выплавке до 5% чистой меди, ее нужно было доставлять свыше 100 тыс. пудов в год. К тому же на Каргалинском месторождении руду добывали несколько заводов Южного Урала. Так, в деле о командировании горных инженеров для обозрения рудников Оренбургского края указывалось 46 месторождений, из которых 16 принадлежали Воскресенскому и Преображенскому заводу, 10 — Богословскому, 6 — Верхоторскому, 6 — Архангельскому, 1 — Благовещенскому заводу. Самый близкий Верхоторский завод находился на расстоянии 150 верст от Каргалинского месторождения [14, л. 2—7].

На Покровском заводе в основном использовался труд наемных рабочих, башкирское население также было вовлечено в производство на Покровском заводе. Башкиры нанимались на внезаводские вспомогательные работы, преимущественно на разведку и перевозку руды. Как информировал анонимный современник, «башкирцы, как народ гуляющий, так и заводной (т.е. хорошо обеспеченный) лошадьми, за малую цену возят руду и другие заводские потребности» [15, с. 100]. Постройку Покровского завода на реке Ик можно объяснить наличием здесь больших лесных массивов и отсутствием их близ Карагалинских медных месторождений и полноводностью реки Ик. Достаточно полноводные реки Сакмара и Каргала же протекали в степной безлесной местности. В этом плане перевозка руды на завод обходилась значительно дешевле. Выработанную на Покровском заводе медь гужевым транспортом доставляли до реки Белой, отсюда на судах отправляли в центральные районы страны.

Покровский медеплавильный завод имел одну фабрику с шестью плавильными печами, семью горнами. Была одна фабрика для разбивания известкового камня, одна мусорная толчея, одна толчея для промывания из мусора крошек.

В 1762 г. производство на заводе остановилось. Вольнонаемные работники, «забрав по заводским обыкновениям в задатки более 16 тыс. рублей», самовольно разбежались по своим деревням, оставив завод без рабочих рук [7, с. 331].

Из-за затрат на строительство и нехватки рабочей силы в 1764 г. А. И. Шувалов просил, «чтоб повелено было рассмотреть, ежели предписанный собственный ево медеплавильный завод потребен взять в казенное содержание, кроме крепостных ево людей, то он оный отдать имеет, а за тот ево завод наградить, чем е.и.в. повелеть соизволит» [7, с. 599]. Он обратился в правительство с предложением купить у него Покровский завод за 60 тыс. рублей. В 1764 г. по заданию Берг-коллегии завод был обследован и описан маркшейдером Поповым, который признал, что плотина построена «по заводским учреждениям и порядкам», а сам завод не ветхий. В 1765 г. на Покровский завод были посланы шихтмейстер В. Раздеришин и бывший компаньон Шувалова Г. Глазов, которые представили в Берг-коллегию отчет с подробнейшим описанием завода, его подсобных предприятий, заводского поселка, лесных владений и медных рудников. Данное мероприятие было проведено для оценки предприятия. Все заводское имущество без исключения описывалось и оценивалось. Опись начинается с церкви, образов внутри нее, книг и икон, образов в конторе и кузнице завода. Все строения, включая и дома работников завода, вплоть до того, «сколько замков при анбарах висят, болтов, хомутов, крючков, клещей, зубил и гвоздей» [12, л. 26—30]. Отчет Раздеришина и Глазова изложен на 156 листах большого формата. Он показывает знание горного дела, добросовестную работу ревизоров, учитывающих до каждого гвоздя, доски или бревна с указанием их размеров и техники изготовления.

Покровский завод, расположенный на юге Башкортостана, на землях полукочевых башкир, вынужден был обеспечивать себя сам всем необходимым: строительным материалом, инструментами и оборудованием, тяглой силой, провиантом и т.д. Лишь наиболее сложное оборудование завозилось со стороны. Предприятие представляло собой замкнутое хозяйство. По описи видно, что все заводские постройки были установлены грамотно и возведены под руководством опытного предпринимателя Герасима Глазова, компаньона графа П. И. Шувалова в 1756—1758 гг.

По данным Н. И. Павленко, Покровский завод был оценен в 50 000 руб. [8, с. 339]. По нашим же данным, канцелярия Главного правления оценила завод значительно ниже — 11 095 руб. 58 коп. с половиною [12, л. 5—7; 7, с. 331—332].

Берг-коллегия поддержала предложение Шувалова и обратилась в Сенат, последний — к Екатерине II. К этому времени влияние Шувалова во дворе упало и императрица отказалась купить завод. В именном указе говорилось, что «оной завод в казну е. и. в. ненадобно, а может он, граф Шувалов, продать кому захочет» [7, с. 599]. В 1766 г. Берг-коллегия потребовала у Шувалова наладить производство и поднять производительность завода, на что граф ответил отказом, ссылаясь на отсутствие приписных крестьян, трудности в поисках вольнонаемных работников, которые в текущем году самовольно ушли, не отработав 4345 руб. аванса [5, с. 132]. 5 июля 1768 г. Покровский завод был продан оренбургскому купцу, владельцу суконной фабрики Ф. И. Журавлеву за 5000 руб., который через 6 дней продал его за 5600 руб. И. Б. Твердышеву [8, с. 339]. Последнему удалось возобновить работу завода. Однако в конце октября 1774 г. Покровский завод был сожжен повстанцами. После Крестьянской войны И. Б. Твердышев и И. С. Мясников признали завод бесперспективным из-за отсутствия лесов и не стали его восстанавливать [4, с. 276]. Из всех своих предприятий они не восстановили только Покровский медеплавильный завод.

Покровский завод, построенный на личный капитал А. И. Шувалова, был единственным в регионе. Он просуществовал всего 17 лет и не принес прибыли своему владельцу. За период существования на заводе было выплавлено 32 513 пудов меди. Территория бывшего Покровского завода сегодня находится в Дмитриевском сельсовете Зилаирского района Республики Башкортостан, около границы с Кугарчинским районом.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 36.
2. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. 115. Оп. 1. Д. 246.
4. Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX вв. Историко-краеведческие очерки. Ч. 1. Уфа, 1985.
5. Кулбахтин Н. М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане. XVIII в. Уфа : Китап, 2000.
6. Материалы по истории Башкирской АССР (МИБ). Т. 2. № 13.
7. МИБ. Т. 4. Ч. 2. № 427.
8. Павленко Н. И. История металлургии в России в XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М., 1962.
9. Полное собрание законов (ПСЗ). Т. XIII. № 10141.
10. ПСЗ. Т. XIV. № 10141.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 19. Оп. 1. Д. 91.
12. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 97.

13. РГАДА. Ф. 271. Кн. 726.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 5. Д. 629.
15. Любимиров П. Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России. М., 1937.

В. Я. Мауль

«...Не переставал щитать ево государем» (к вопросу о самозванстве Е. И. Пугачева)

Выяснение вопроса о самозванстве Е. И. Пугачева имеет большое значение для смыслового понимания возглавленного им протестного движения. Без сакрального ореола «взятого взаймы» императорского имени беглому донскому казаку, при всех его незаурядных достоинствах, едва ли удалось бы разжечь пожар грандиозного народного бунта и повести за собой десятки тысяч человек. Однако в историографии данный аспект проблемы изучен крайне поверхностно. Раз и навсегда решив, что самозванческая интрига — это корыстный обман со стороны инициаторов, сознательно эксплуатировавших «царистские иллюзии» социальных низов, историки последовательно придерживались столь легковесной научной трактовки. При этом настаивали на достаточно спорном тезисе, что бунтовщики, входившие в ближний круг Пугачева/Петра III, были изначально осведомлены о его самозванстве [1, с. 41—42; 2, с. 30—32; 3, с. 84, 86; 4, с. 88—90; 5, с. 221—222; 7, с. 16—17, 41—43; 14, с. 23—26; 15, с. 40—41; 23, с. 74—76; 26, с. 73—74; 27, с. 45—46].

И все же от многократного повторения навязчивая историографическая аксиома не становится более убедительной. Полагаю, что ответ надо искать в двух гносеологических плоскостях. Во-первых, тщательно проверить информативный потенциал источников, на которых держится стереотипная характеристика эпизода с поддержкой заговорщиками венценосных притязаний Пугачева. Во-вторых, обратиться к герменевтическим возможностям современной гуманитаристики с ее междисциплинарной методологией, чтобы адекватно понять те события, которые произошли в конце августа — первой половине сентября 1773 г. на Яике, когда местные казаки знакомились с Пугачевым и признавали в нем Петра III [9; 11].

Наибольшей осведомленностью и активностью среди них выделялись четверо участников прошлогоднего восстания [19] — И. Н. Зарубин (по прозвищу Чика), Д. К. Караваяев, Т. Г. Мясников и М. Г. Шигаев, приехавшие на Таловой умёт для встречи и освидетельствования укрывавшегося там предполагаемого царя. Именно они стали самыми энергичными разносчиками слухов о нем в здешних краях. Поэтому в основе изучения судьбоносного казуса (знали/не знали) должны лежать их судебно-следственные материалы. Вспомогательное (уточняющее) значение принадлежит показаниям еще нескольких человек (Г. Закладнов, Б. Идеркеев, братья Кожевниковы и Кочуровы, С. Кунишников, С. Оболяев, В. Плотников, И. Почиталин, Д. Пьянов, К. Фофанов и др.), в начале движения сформировавших группу поддержки объявившегося государя. Однако ни один из них не говорил, что знал о самозванстве Пугачева, а потому они могут лишь дополнить отдельными штрихами общую картину появления на Яике «императора Петра Федоровича».

Избирательность источниковедческого подхода историков заметна, например, в сравнительно редкой востребованности соответствующих фрагментов показаний Караваяева и Шигаева. Видимо, ими сложно обосновать принятые оценки сюжета как продуманного мошенничества. Так, Шигаев вначале было признался, что с первых дней считал Пугачева самозванцем [21, л. 94 об.], но на завершающем этапе следствия во время очной ставки с бывшим вожаком категорически это опроверг: «о Пугачеве, что он — донской казак, не знал и злодею о сем не говорил». Не вижу веских резонансов отказывать в правдивости этим словам, неожиданно вырвавшимся из уст измученного пленника как раз в тот момент, когда дело шло к драматичной развязке, незавидная участь была предreshена и ложь во спасение уже не имела никакого смысла. Кстати, на том же следственном мероприятии свою позицию коренным образом, но в противоположную сторону изменил и сам «царь-батюшка». Ранее практически всегда заявлявший, что главные сподвижники сразу поверили в его монаршее достоинство, теперь он решил переложить на них изрядную часть ответственности, «ибо они точно знали, что он не государь, а донской казак» [6, с. 234, 233].

Намного чаще историки обращались к показаниям Зарубина (имевшего репутацию человека, не умеющего держать язык за зубами), будто он был в курсе, что Пугачев — не царь, «но положил о том, что так тому и быть, ибо всему войсковому народу то было надобно». Вполне коррелирует им приписываемая меркантильная «информированность» Караваяева: «ето де не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит, нам де все равно, лишь быть в добре». Но самые яркие «при-

Список использованных источников и литературы

1. Денисов Д. Н. Католицизм в конфессиональном пространстве Оренбургского края (конец XVIII — начало XXI в.). Оренбург : Университет, 2014. 149 с.
2. История Оренбуржья. URL: <http://kraeved.opck.org/bibliote-ka/enciklopedii/ose/a.php> (дата обращения 10.08.2017).
3. Кортунов А. И. Поляки на военной службе в крепостях Оренбургского края (первая половина XIX в.) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 239—242.
4. Лазаревский Ф. М. Т. Г. Шевченко в Оренбурге // Киевская старина. 1899. № 2. С. 152—167. URL.: <http://litopys.org.ua/shevchenko/vosp42.htm> (дата обращения: 04.11.2017).
5. Латыпова В. В. Поляки на Южном Урале (XVII — начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 21 с.
6. Матов А. И. Тарас Григорьевич Шевченко в ссылке // Камско-Волжский край. 1897. 11 янв., 17 янв., 22 янв. URL: <http://litopys.org.ua/shevchenko/vosp44.htm> (дата обращения: 04.11.2017).
7. Потто В. А. Ссылные поляки в Оренбурге // Исторический вестник. 1889. Т. 38. С. 584—606.
8. Филь С. Спасти от забвения // Rodacy na Syberii. 2008. № 4. С. 22—23.
9. Четвериков С. А. Польские политические ссылки 1863 г. в Оренбургской губернии // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 4. С. 22—26.
10. Шевченко Т. [Щоденник] // Тарас Шевченко. Зібрання творів. Київ : Наукова думка, 2003. Т. 5. 496 с. URL: <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev501.htm> (дата обращения 04.11.2017).
11. Яблоньский, Генрик (поэт) // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wiki-pedia.org/wiki/Яблоньский,_Генрик_\(поэт\)](https://ru.wiki-pedia.org/wiki/Яблоньский,_Генрик_(поэт)) (дата обращения: 11.08.2017).
12. Bartoszewicz J. Historia literatury polskiej. Warszawa : Michał Glücksberg, 1861. 644 s.
13. [Giller A.] Lista wygnańców polskich do roku 1860. Spisana przez A. Gillera na Syberii // Album Muzeum Narodowego w Rapperswyll. Wyd. staraniem W. Platara. Poznań : J.K. Zupański, 1872. S. 384—442.
14. Jabłoński H. Gwido i dumki. Wilno : J. Zawadzki, 1857. 110 s.
15. Jasińczyk J. Dziesięć lat niewoli moskiewskiej. Lipsk : F. A. Brockhaus, 1867. X, 312 s.
16. Kolumna Z. Pamiątka dla rodzin polskich. Kraków : Czas, 1868. Cz. 2. 312 s.
17. Rolle J.A. Henryk Jabłoński // Szkice i opowiadania. Kraków ; Warszawa : Gebethner i Wolff, 1887. Seria 5. 465 s.
18. Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX w. : słownik biograficzny. Warszawa : Dig, 1998. 836 s.
19. Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832—1855 (Królestwo Polskie): przewodnik biograficzny. Wrocław : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1990. 560 s.
20. Zaleski Br. Wygnańcy Polscy w Orenburgu // Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Rok 1866. Paryż : Księgarnia Luxemburska, 1867. S. 75—107.

М. В. Оськин

Заготовки скота для действующей армии в период Первой мировой войны 1914—1917 гг.: Азиатская Россия в снабжении фронта

Снабжение действующей армии мясом и мясными продуктами предполагало проведение масштабных заготовок скота в России. Несмотря на большие абсолютные цифры имевшегося в стране скота, до войны мясной экспорт был минимален — 4 тыс. голов скота и 108 тыс. свиней в 1912 г., т.е. все мясо шло на внутреннее потребление. По данным ежегодника Главного управления землеустройства и земледелия, в 88 губерниях и областях в 1913 г. находилось 51 354,5 тыс. голов крупного рогатого скота, 73 961,7 тыс. — овец и коз и 14 232,3 тыс. — свиней. Важно, что крестьянам принадлежало 95% всего крупного рогатого скота в Европейской России [28, с. 36]. Это означает, что основная тяжесть армейских поставок пришлась именно на крестьянские хозяйства. Если же помнить о «вегетарианстве» сельского населения и в среднем невысоком уровне мясного потребления, то очевидно, что российское животноводство не поспевало за ростом населения в Российской империи начала XX века. Поэтому изъятие скота из народного хозяйства страны не могло продолжаться достаточно долго без нанесения ущерба основному стаду.

Громадные потребности армии существенно превышали потребление всей страны накануне войны. В 1-й операционный год (июль 1914 — июль 1915) только армия потребила свыше 7 млн. голов скота, в том числе 5 млн. «потреблено излишне против нормального потребления населения». В потерянных в 1915 г. губерниях находилось 5 млн. голов скота, а эвакуировано не более 1,5 млн. Вдобавок в 1914 г. в Европейской России во многих губерниях был неурожай кормов и скот пошел в пищу. Следовательно, безвозвратные потери народного хозяйства за первый год войны составили около 9 млн. голов скота [23, л. 288 об. — 289].

Перед войной считалось, что подвоз мяса из глубины страны на театр войны будет небольшим, а будут использоваться местные средства. Поэтому первое полугодие военных действий не доставило проблем с заготовками скота, так как Отдел заготовок Министерства земледелия (Заготосель) успешно справлялся с поставками мяса, а недовоз легко компенсировался войсками закупками и реквизициями во фронтовой зоне.

Однако летом 1915 г. стало понятно, что с затягиванием войны армия потребует затронуть основное стадо для своих потребностей. Письмо министра земледелия А. В. Кривошеина премьер-министру И. Л. Горемыкину от 11 июня 1915 г. предлагало перейти к массовым закупкам скота в Монголии. Причиной явилось истощение «запасов убойного скота вследствие усилившегося потребления мяса как армией, так и населением, почти полное прекращение подвоза скота из Сибири вследствие недостаточной провозоспособности Сибирской железной дороги и, наконец, невозможность вывоза скота в действующую армию из юго-восточного богатого скотом района, включающего Оренбургскую губернию, Тургайскую и Уральскую области, а также губернии Самарскую и Уфимскую, ввиду распространения в этих местностях повального воспаления легких [26, л. 1—2].

Как ни парадоксально, в деле снабжения действующей армии мясом помогло отступление русской армии летом 1915 г. В кампании 1915 г. русская армия фактически прокормилась скотом лишь западных губерний, хотя и израсходовала этот ресурс почти полностью [20, л. 17]. Тем не менее эвакуация, прокормив фронт, существенно подорвала животноводческие возможности тыла по снабжению армии.

С установлением позиционного фронта осенью 1915 г., отладкой структуры тыла и реорганизацией продовольственных органов (создание Особого Сопровождающего по продовольственному делу и смена главы Министерства земледелия) большой сложностью стала доставка скота на фронт. Докладная записка по Главному управлению военных сообщений от 1 января 1916 г. показывала, что «является чрезвычайно важным, чтобы никоим образом дороги не затруднялись всякими излишними, непроизводительными перевозками, имея в виду, что каждый такой занятый непроизводительным вагоном уменьшает соответственно количество подвозимого полезного груза, то есть груза, необходимого для наших армий или для наших заводов, работающих на нужды армий». МПС настаивало на борьбе с непроизводительными перевозками, прежде всего скота. Подвоз скота в сравнении с мясными продуктами был невыгоден потому, что занимал вагонов в 5 раз больше, нежели мясо по тому же весу, скот при транспортировке терял в весе, при его убое в тылу можно было использовать внутренности и кожи для нужд тыла [24, л. 1—2].

По данным министра земледелия А. Н. Наумова, к концу 1915 г. в переводе на живой скот армии было дано немногим более 1 млн. голов, из коих в Европейской России взято только 500 тыс., а остальные — из Сибири и Оренбургского края. То есть ½ скота для армии стала поставляться из-за Волги.

Проект мясных закупок в феврале 1916 г. был представлен А. Н. Наумовым и главноуполномоченным по заготовке скота для армии С. Н. Лениным. Они указали, что до 1 января 1917 г. армии потребуется минимум 3,5 млн. голов скота, но «такое количество голов не может быть добыто свободной покупкой, так как наше животноводство за 18 месяцев войны значительно истощилось», почему «Особое Сопровождающее по продовольственному делу признало существенно важным использовать все возможные средства к смягчению отрицательных последствий массового отчуждения» [6, л. 1], а именно реквизицию скота в европейской части страны. При этом в Азиатской России скот всю войну поставлялся посредством покупки животных.

Наряды обязательной поставки распределялись по степени обеспеченности населения (на 100 душ и на 1000 дес. земли) и характеру скотоводства. Тем не менее если в Европейской России изъятие крупного рогатого скота угрожало подрывом производительных сил хозяйства, то доставка из Азиатской России затруднялась вследствие падения транспортных мощностей страны. Так, телеграмма в Загосель от уполномоченного по Оренбургско-Тургайскому району Сисецкого от 2 марта 1916 г. сообщала, что норма заготовки скота для Оренбургской губернии — 19,4 тыс. голов и Тургайской области — 22 тыс. голов. Для их переброски требуется 4 эшелона в день по 300 голов в каждом, однако пока выполнение этой нормы невозможно ввиду: «распутицы, недостаточности, упитанности скота и неорганизованности намечаемых Оренбургским земством и Тургайской Области проявлением комиссией для закупок скота у местного населения». Приемщиками поставляемого скота являлись: в Троицке — Бабурин с командой 200 чел., в Оренбурге — Кундузин с командой в 269 чел. [11, л. 3].

Чтобы не раздражать население военными реквизициями, с 1 апреля 1916 г. заготовки скота для армии были переданы земствам с правом замены мяса крупного рогатого скота овцами и свиньями, а также другими мясными продуктами (колбаса, сало, свинина, баранина, копчености, солонина). В регионах, небогатых излишками скота, земства ходатайствовали, чтобы твердые цены на эти продукты не устанавливались, иначе они сильно подорожают [15, л. 369].

Твердые цены на скот и мясо были введены 19 мая 1916 г. Расценки на скот варьировали от 6,0 до 7,8 руб. за пуд в зависимости от веса животного. При этом выдвигалось условие: «за каждый

пуд выше 15 пуд. к основной цене прибавляется 10 коп., каковая надбавка производится до 33 пуд. веса включительно. Животные большого веса расцениваются как 33-пудовые» [16, л. 17].

Ряд земств активно выступал против установленных цен, и Наумов провел 4 мая Съезд представителей земских и общественных организаций по закупке скота для армии. Съезд утвердил твердые цены на крупный рогатый скот до 1 января 1917 г., и на свиней — по 1 мая 1917 г., «с тем, что в случае изменения твердых цен на зерно после нового урожая, твердые цены на свиней будут вновь пересмотрены, если встретится в том надобность». Для сбалансирования ценовой и заготовительной политики съезд разбил территорию Европейской России для снабжения мясом на 5 районов, в которых цены варьировались от 5,25 до 7,00 за пуд живого веса:

- Южный — Киевская, Подольская, Курская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Воронежская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Бессарабская, Волынская губернии;
- Центральный — Московская, Калужская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тульская, Тамбовская, Симбирская губернии;
- Доно-Кавказский — Ставропольская губерния, Донская, Терская и Кубанская области;
- Юго-Восточный — Оренбургская, Саратовская, Самарская, Астраханская, Уфимская губернии, Тургайская и Уральская области;
- Северо-Восточный — Пермская, Вятская, Вологодская, Казанская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Владимирская губернии;

Северо-Западный район — Петроградская, Смоленская, Псковская, Виленская, Ковенская, Гродненская, Лифляндская, Эстляндская, Витебская, Новгородская, Могилевская, Минская, Тверская губернии. Эти районы были оставлены «как резервные для реквизиции скота, по назначению военных властей на случай недопдачи скота [14, л. 4].

На этом Совещании комиссия Центрального района высказала пожелание об усилении поставок сибирского скота, так как в Европейской России уже теперь разверстка скота для армии является «обременительной» для населения и может привести «к глубоким потрясениям сельского хозяйства». По отношению к Центральной России «каждая ошибка в разверстке, уже и ныне затронувшей кое-где основной скотоводственный капитал, способна привести, при увеличении количества скота, подлежащего отчуждению, к глубоким потрясениям сельского хозяйства» [9, л. 44—47].

Для окраин страны установленные твердые цены на скот явились завышенными. В Юго-Восточном районе, где скот поставлялся кочевниками, цены были чуть ниже, нежели в Южном районе, помимо всего снабжавшем армию хлебом. Письмо из Уральска 21 мая 1916 г. члену Государственной думы Н. А. Ростовцеву едва ли преувеличивало, говоря, что установленные Петроградом твердые цены на скот невероятно велики — в 2,5 раза выше мирной цены. Тем более что есть «полное несоответствие в твердых ценах на крупный рогатый скот и в твердых ценах на хлеба». Как Центральная Россия отдает фронту свои хлебные богатства, так и инородческие окраины обязаны отдавать свой скот [2, л. 41]. Уполномоченные устанавливали цены, чтобы получить скот в любом случае, не думая о последующем их взлете и инфляции, а между тем указанная точка зрения верно предлагала учитывать, что Европейская Россия поставляет массу и других продуктов, и следовательно, кочевые окраины должны получать несколько меньшую цену за свое продовольствие [22, л. 92].

Начавшееся широкомасштабное наступление русской армии на Восточном фронте в кампании 1916 г. потребовало усиления подвоза продфуража фронту. Телеграмма Ленина на места от 7 июня предписывала, что «наряды, даваемые на фронты, подлежат исполнению в первую очередь, и полностью. Для удовлетворения же потребностей тыла скот должен приобретаться сверх этих нарядов, причем в случае недостатка месячной нормы наряда на губернию необходимо временно, соответственно местным потребностям, увеличить заготовку скота». Ленин напоминал, что когда скот осенью пойдет из восточных губерний, «излишне поставленное количество скота будет зачислено при определении дальнейших поставок» [5, л. 12]. То есть установленная разверстка будет соблюдена в любом случае.

За Уралом, ввиду значительных расстояний в степи до железных дорог, скот подгонялся своим ходом к станциям, что требовало времени. Совещание в Оренбурге под председательством главноуполномоченного Н. А. Мельникова 18—19 июля напомнило, что в 1916 г. армия должна была получить скота из Тургайской области 200 тыс. голов и по 175 тыс. голов из Уральской и Оренбургской областей. Ввиду недостаточной провозоспособности Самаро-Златоустовской и Ташкентской железных дорог до 1 июля было поставлено лишь 110 тыс. голов. То есть недопоставлено — 440 тыс., которые надо отправить за август—декабрь, в том числе до 15 октября не менее 220 тыс. Мельников сообщил, что «указанная усиленная отправка скота, ввиду большой нужды в нем на фронте действующей армии, а также и усиленного предложения за недородом кормов со стороны местного

населения, осуществима лишь при усилении организации подгона скота из этих местностей к реке Волге по грунтовым трактам». Наиболее целесообразно «ввиду сбережения времени и средств» часть скота отправлять сразу на фронт, а из отдаленных районов — «удовлетворять потребности тыловых учреждений и ближайших заготовочных пунктов для действующей армии» [12, л. 49—51].

Данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. показали готовность государства к продолжению борьбы [7, л. 5]. Современник-экономист так прокомментировал данные переписи: «Всероссийская сельскохозяйственная перепись приводит к заключению, что 1) пока не наблюдается сокращения общего количества убойного скота даже по отношению к крупному рогатому скоту и 2) в коренных губерниях количество рогатого скота находится в статическом состоянии, а количество молодняка заметно увеличилось» [19, с. 28].

Действительно, скот Центральной России на 1916 г. пострадал от войны незначительно, а Сибирь лишь наращивала свои ресурсы. Однако западные губернии, оккупированные неприятелем, потеряли свои народнохозяйственные ресурсы полностью, а в районах театра военных действий военные власти путем постоянных реквизиций существенно подорвали возможности крестьянских хозяйств. Следовательно, после войны пришлось бы восстанавливать западные регионы за счет центральных и восточных, ввиду чего небольшая, казалось бы, убыль в перспективе оборачивалась немалыми потерями.

Совещание 4—5 ноября о принятии мер для восстановления скотоводства в Сибири отметило усиленную продажу населением скота для армии в связи с высокими ценами на скот. Совещание просило от Заготоселя запретить покупку коров «во втором периоде стельности и молодняка, не достигшего 12 пуд живого веса». Заготосель пошел навстречу: «минимальный вес животных, принимаемых для нужд армии, установлен для Сибири в 8 пуд и повышен быть не может, ввиду того, что скот в Сибири преимущественно мелкий» [10, л. 72—73]. В целом в 1916 г. в европейской части было заготовлено 2807,9 тыс. голов скота, или 8,3% от общего поголовья, а в 6 сибирских губерниях Особое Совещание по продовольствию определило к поставке 200 тыс. голов — 2,1% [27, с. 132]. В 1917 г. с Алтая до Томска почти вся Бийская железнодорожная ветка была занята перевозками живого скота, так как при такой перевозке в вагон вмещалось только 120 пуд на живой вес [21, л. 14].

Осенью 1916 г., с очередным увеличением армии, Заготосель предложил поставлять больше скота в счет наряда 1917 г., так как осенью обычно производилась ликвидация свободного откормленного скота [13, л. 19 об. — 20], а зимой откармливавшийся скот поставкам не подлежал ввиду своей истощенности [4, л. 23]. Наряды поставки скота в 1917 г. увеличивались в 2—3 раза, что автоматически переходило к забою основного стада, однако иного выхода не было. Скот азиатской части страны, ранее выручавший фронт и тыл европейской части, поставлялся по минимуму из-за падения транспортных мощностей, а разверстка перекладывала основную тяжесть поставок на Центр страны. В Европейской России заготовка скота и мяса производилась при посредничестве земств и областных организаций, в Сибири и Туркестане — уполномоченными Министерства земледелия. В 1917 г. 47 регионов империи должны были поставить 5 958 562 головы крупного рогатого скота и 4 817 860 свиней [3, л. 33—34].

Высокие нормы наряда на поставку скота подтолкнули земства и скотовладельцев к пассивному сопротивлению, выразившемуся прежде всего в срыве сроков поставки, что немедленно сказалось на подвозе скота действующей армии. В условиях транспортного кризиса на Совещании в Ставке 16 декабря 1916 г. и.д. Начальника штаба Верховного главнокомандующего В. И. Гурко заявил, что армии, кроме Кавказа, в день требуется 146 тыс. пуд мясных продуктов, причем продукты желательнее подавать в виде замороженного и охлажденного мяса или в виде солонины и копченого мяса, чтобы не перегружать железные дороги. В ответ Н. А. Мельников заметил, что «без ущерба для сельского хозяйства можно давать в день только 100 тыс. пуд мяса» [8, л. 15—16, 133].

Как видим, зимой 1917 г. Особое Совещание по продовольствию устами одного из своих высших руководителей призналось, что требования фронта в отношении мясных продуктов будут удовлетворены только на треть. То есть треть запрашиваемой военными потребности не могла быть обеспечена вплоть до восстановления нормального железнодорожного сообщения с Западной Сибирью (районы уральского и алтайского животноводства), Восточной Сибирью (скот Бурятии, Монголии и Забайкалья), Дальним Востоком (грузы из Америки). Изъятие требуемого количества скота из сельского хозяйства Европейской России была невозможна, дабы не надорвать его, а доставку из-за Урала не позволял транспорт. Следовательно, и без того небольшой мясной паек солдат (205 г) как минимум на треть заменялся рыбой или пролонгировался введением мясопустных дней [17, с. 7].

К 1917 г. количество скота в России почти не сократилось, хотя до войны российское животноводство стагнировало, уменьшаясь в своей численности относительно роста населения. Это означа-

ло поддержание российского животноводства на невысоком довоенном уровне, которого не хватало для питания населения и в мирное время, когда потребление мяса было очень небольшим. В то же время за войну потребление мяса выросло в 8 раз [1, с. 86]. Именно поэтому сельскохозяйственная перепись 1917 г. показала очень большой процент крестьянских хозяйств без рабочего скота [18].

Ресурсы Сибири и Степного края, которые предполагались для изъятия в 1917 г.: крупный рогатый скот — 1 388 356 голов, или 9 235 800 пуд. мяса, свиньи — 484 878 (2 288 290), овцы — 1 313 900 (1 541 800). Итого мяса — 13 065 890 пуд. Но из-за недостатка транспортных мощностей можно было вывезти не более 7 млн. пуд мяса. Кроме того, «из Монголии предположено извлечь на нужды общего снабжения в виде консервов и мороженого мяса 3 млн. пудов», в том числе баранины — 0,5 млн. [25, л. 272—297].

Таким образом, в целом животноводческий сектор российского народного хозяйства справлялся с трудностями военного времени, но чем дальше, тем больше трещал под давлением войны. За годы войны количество скота в России почти не сократилось, но это означало поддержание скотоводства на невысоком довоенном уровне с небольшим мясным потреблением населения. Резкий рост потребления мяса вооруженными силами подрывал основное стадо в Европейской России, а вывоз скота из Сибири был затруднен из-за транспортного кризиса. Революционный процесс и аграрное движение 1917 г. предполагали дальнейшую концентрацию крестьянского хозяйства на собственных полях, что в перспективе вело к введению мясных карточек и конфликту государства с деревней.

Список использованных источников и литературы

1. Борисов В. И. Продовольственная политика на Юге России (август 1914 — март 1921 г.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055.
3. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 370.
4. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 375.
5. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 454.
6. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 618.
7. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 384.
8. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 386.
9. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 417.
10. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 425.
11. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 431.
12. ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44.
13. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-3174. Оп. 2. Д. 20.
14. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 28.
15. ГАТО. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 5а.
16. ГАТО. Ф. 1757. Оп. 1. Д. 1.
17. Журнал Совещания в Ставке по вопросам снабжения армии 15—16 декабря 1916 г. Б. м., 1917.
18. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. М., 1921.
19. Полонский Г. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917.
20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 8. Д. 76.
21. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 2.
22. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 21. Д. 35.
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 369. Оп. 12. Д. 2.
24. РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 925.
25. РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 94.
26. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 781.
27. Рынков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. Новосибирск, 2013.
28. Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М., 1928.

вопроса о его финансировании, но решение по нему было принято уже после внезапной смерти Катенина 24 июня 1860 г.

Проект был одобрен в 1861 г. при следующем генерал-губернаторе А. П. Безаке [9]. Согласно новому положению, Николаевский институт получил независимость от Неплюевского кадетского корпуса как по хозяйственной, так и по учебной части. Был утвержден план расширения территории института за счет соседнего участка земли.

В 1864 г. решился долго обсуждавшийся вопрос о разведении сада при институте. В это время в городе прокладывался водопровод, и по распоряжению А. П. Безака была проведена вода от главной водопроводной системы на территорию института в «предполагаемый к разведению сад» [10].

Дальнейшие события в истории Николаевского института связаны с назначенным в 1864 г. генерал-губернатором Н. А. Крыжановским. Он продолжил хлопоты о постройке нового здания, но дело затягивалось. Со временем он стал настойчивее, так как потребовалось расширить Николаевский институт и увеличить число воспитанниц. В конце концов 1 мая 1884 г. произошла закладка нового здания [16], строительство которого завершилось только в 1889 г.

В 1880 г. Николаевский институт благородных девиц был преобразован: из трехклассного с двухгодичным курсом обучения в каждом классе он превратился в семиклассный с годовым курсом. Число воспитанниц возросло до 200. Институт перестал быть закрытым учебным заведением: помимо 150 пансионеров в нем появились полупансионеры и приходящие ученицы [2].

В 1896 г. институт получил название Оренбургского института Николая I (по случаю 100-летия со дня рождения императора), а через два года он торжественно отметил свой 50-летний юбилей. Деятельность института продолжалась до 1919 г.

Список использованных источников и литературы

1. Вертоусова Е. Г. Оренбургское девичье училище // Оренбургское время. 2003. 30 апр.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 9. Д. 21.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4898 а.
4. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5578.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5662.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6128.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6590.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7156.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7480.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 14. Д. 205.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10601/10.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10626.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 5710.
14. ГАОО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 4.
15. Жакмон П. П. Из воспоминаний оренбургского старожила // Исторический вестник. 1905. № 4.
16. Закладка нового здания Оренбургского Николаевского института благородных девиц // Оренбургский листок. 1885. 9 июня.
17. Шукшинцев И. С. Первая частная женская школа в Оренбурге // Оренбургский листок. 1899. 27 июня.

В. В. Пономарева

«Оренбургский Николаевский институт для воспитания девиц» — форпост женского образования на востоке России

Основой системы женского образования в России стали закрытые институты, первый из которых был учрежден в 1764 г. Женская школа должна была помочь важному государственному делу — обеспечить участие образованной матери в проводившейся в сжатые сроки модернизации страны. В николаевскую эпоху важной задачей стало формирование единого образовательного пространства, охватывающего всю империю, объединяющего европейскую и азиатскую части, подданных разной религиозной принадлежности.

В 1832 г. в Оренбурге было открыто женское училище как часть Неплюевского военного училища [15] (подобно основанному ранее столичному Павловскому институту). Особая роль в его учреждении принадлежала военному губернатору графу П. П. Сухтелену (1788—1833), заботившемуся о распространении просвещения в крае [19; 8]. Обустройством училища занялся Комитет, в который вошли А. И. Жемчужникова (жена командира 28-й пехотной дивизии), А. И. Бекбулатова (жена командира инженерного округа), В. И. Стеллих (жена командира 1-й бригады 28-й пехотной

дивизии), С. Н. Глазенап (жена коменданта), Д. Ф. Энгельгардт (жена управляющего Оренбургским казачьим войском), Е. Н. Жуковская (жена статского советника, состоящего при губернаторе), А. Д. Мансурова (жена уездного предводителя дворянства) [15, л. 193—193 об.]. Согласно уставу, училище учреждалось для детей, «коих отцы служат или служили в войсках отдельного Оренбургского корпуса, в нижних чинах», а также «всякого свободного состояния», причем отмечалось, что «не воспрещается допускать и детей происхождением из иноверцев по собственному желанию родителей или по сиротству» [15, л. 196]. Николай I считал, что «на воспитание... должно быть обращено особое внимание, возможное соединение в одних школах воспитанников из всех народов весьма желательно» [1, с. 314].

По своему типу Оренбургский институт относился к числу периферийных, какими были институты Донского и Кубанского казачьих войск, учреждавшиеся в отдалении от центра, где жило население небогатое и малообразованное. Однако Донской и Кубанский институты частично содержались за счет казачьего населения и управлялись при участии казачьей верхушки. Казаки Юга России хозяйствовали на плодородных землях, и с их угодий уплачивался сбор в пользу собственных женских институтов. Уральское казачество не находилось в столь благоприятных условиях и взять на себя такой расход не могло.

1 декабря 1832 г. в зале Благородного собрания Оренбурга была произведена первая баллотировка поступающих. С речью на торжестве, посвященном открытию женского учебного заведения, выступил сам П. П. Сухтелен, говоривший о важности женского училища в условиях «отдаленности Оренбургского края». Он поздравил новых учениц: «Вы некогда доставите собою радость своим родителям, составите счастье своих семейств. Будьте послушны и прилежны». Речь была напечатана и роздана присутствующим [24, с. 42, 45—46]. Училище приняла под свое покровительство императрица. Первой начальницей («смотрительницей»), которую согласно уставу избирал оренбургский военный губернатор [13, с. 211], была назначена Амалия Юрьева [14, л. 1—2].

Представление о социальном составе первого набора дает список, приложенный к письму П. П. Сухтелена в Петербург. 33 из 50 вакансий заняли девицы «военного звания», от дочери отставного полковника до «казенного деньщика»; остальные 17 принадлежали к числу лиц «всякого свободного состояния» — дочери чиновников, мещан, купца 3-й гильдии, дьячка и отпущенника [15, л. 9—10 об.]. Учебная программа была крайне ограниченной по сравнению с институтской. Девочек обучали закону Божию, «основаниям правил арифметики по книгам и на счетах», шитью белья, перчаток, башмаков, вышиванию и другим «полезным рукоделиям». Девиц «иноверческих исповеданий» предписывалось «не вынуждать присутствовать в преподавании закона Божия христианской веры» [15, л. 199], что было правилом как в женских учебных заведениях, так и в корпусах. (Сложный конфессиональный состав населения и позднее находил отражение в учебной программе института: здесь помимо православного священника вели занятия закона Божия со своими единоверками ксендз и пастор, а с начала XX в. в институт были допущены дочери старообрядцев).

Оренбургское училище на первых порах должно было руководствоваться теми же правилами, что и девичьи училища морских низших чинов в Севастополе и Николаеве и солдатских дочерей гвардейских полков «с необходимыми по местностям изменениями» [14, л. 15]. Постепенно учебная программа усложнялась, добавлялись новые предметы. В 1847 г. училище «получило новое устройство», когда «содержание и учение воспитанниц [были] применены к общему порядку других заведений благородных девиц». Отныне в училище принимались дочери дворян, священников и купцов 1-й гильдии [7, с. 63—63].

С 13 октября 1855 г. Оренбургское училище получило наименование «Оренбургский Николаевский институт для воспитания девиц» и отнесено ко II разряду женских учебных заведений [25, с. 9]. В институтах II разряда преподавались: закон Божий (3 ч.), русский (3 ч.), французский и немецкий языки (по 4,5 ч.), арифметика (1,5 ч.), география и история (по 3 ч.), рисование и чистописание (по 1,5 ч.). (Программа институтов I разряда включала, сверх того, курсы «О явлениях природы» и «О произведениях природы», по 1,5 ч.)

Русской школе квалифицированных педагогов вплоть до конца XIX в. недоставало. Особенно острой эта проблема была в провинции, и потому приходилось приглашать случайных людей. В 1843 г. русский язык девицам Оренбургского института преподавал унтер-офицер Фомин [20, с. 41—42], а согласно ревизии 1861 г. преподавание французского языка находилось не на должном уровне [4, с. 303]. Однако позднее институт сам стал рассадником педагогических кадров (например, две начальницы 1-й женской Оренбургской гимназии, там же преподававшие, были институтками [5, с. 117—118]).

В «Систематической описи» дел архива Оренбургской ученой архивной комиссии сохранились сведения о пополнении библиотеки училища в 1840-е гг. (журналы «Звездочка», «Детский альма-

нах», книги «Путешествие вокруг света», «Прокопий Ляпунов» и др., учебники и учебные пособия) [20, с. 28—29].

Инспектор классов Неплюевского кадетского корпуса исполнял те же функции и в институте вплоть до 1860-х гг., тогда как директор корпуса сохранял свою главенствующую роль лишь до его преобразования в 1855 г. (долгое время часть управленческих, хозяйственных и медицинских функций обоих учебных заведений выполнялись одними и теми же лицами). В отличие от привилегированных учебных заведений столиц должность начальницы института в далеком Оренбурге не являлось sinecurой, ее искали прежде всего вдовы, оставшиеся без средств. В 1848 г. начальницей института стала вдова титулярного советника Олимпиада Давыдовна Жакмонд [16, л. 1] (по крайней мере до 1860 г.), в 1870—1875 гг. — вдова статского советника Анна Васильевна Оде-де-Сион (ур. Сарычева), мать пятерых детей¹, а в 1882—1889 гг. — Анна Никифоровна Мунт (ур. Алферова), в тридцать лет оставшаяся вдовой с четырьмя детьми на руках. Биограф приводит несохранившиеся записи Мунт, которой удалось ввести в институте 7-летний курс обучения, добиться постройки нового здания, что позволило увеличить число воспитанниц до 250 чел. Подчеркивая важную роль института, биограф Мунт писал: «Для обширного Туркестанского края и многих местностей Западной Сибири Оренбург является ближайшим пунктом, где можно дать детям порядочное образование. Поместить дочку в Оренбургский институт... составляет заветную мечту большинства родителей, заброшенных на далекие посты. И вот они везут детей за тысячи верст по безводным азиатским пустыням и, сдав их в учебные заведения, не видятся с ними зачастую в течение всего курса, так как брать их на каникулы или навещать в Оренбурге слишком трудно и дорого» [2, с. 193—213]. Местные жители ценили свой институт, отказывая ему средства по завещанию, учреждая стипендии для неимущих [см., напр.: 22, № 1118].

Хотя в пореформенную эпоху в России повсеместно открывались женские гимназии, институтское образование было по-прежнему востребовано. В 1850 г. для дочерей обер- и штаб-офицеров Уральского и Оренбургского казачьих войск в Оренбургском институте были открыты 30 вакансий [3, с. 55], но в 1882 г. было решено стипендии для войсковых воспитанниц ликвидировать, а средства, выделенные на них, передать войсковой женской гимназии [21, № 219]. Однако интернатная форма обучения отвечала потребностям многих семей, живших в отдалении от центра, и стипендии для дочерей казаков и войсковых чиновников были восстановлены: в 1891 г. в Оренбургском институте их было 19 [23, с. 59], в 1906 г. — 27 в Оренбургском и одна в московском [10, с. 59], в 1912 г. — 39 в Оренбургском и одна в петербургском Ксенинском [11, с. 57]; в 1915 г. — 42 в Оренбургском, по одной — в Ксенинском, Харьковском, московском Александровском и петербургском Сиротском институтах, всего 46 [12, с. 61]. Таким образом, потребность в институтском образовании не ослабевала: полученные знания обеспечивали выпускницам верный заработок. Институты решали задачу социализации сирот и детей «недостаточных родителей». Число стипендий Уральского войска постоянно возрастало. Даже в грозном 1918 г. войсковым старшиной было решено оплачивать 75 стипендий [6, с. 47].

Трудами поколений работавших в институте людей было создано учебное заведение с прекрасными условиями для учения и проживания. Глава отдела народного образования в докладе Войсковому правительству Оренбургского войска в 1918 г. отмечал, что «помещения и владения института представляют громадную ценность». По его словам, здание и службы института, выходящие на Неплюевскую, Преображенскую и Орскую улицы (2 двухэтажных каменных корпуса, 2 одноэтажных, 5 деревянных), были благоустроены (было проведено электричество, имелся водопровод), снабжены оборудованными кабинетами [см., напр.: 18], библиотекой. Летом институтки отдыхали на «прекрасной даче» в лучшей части Маяка, с громадной усадьбой «в более чем 4 десятины земли», где находились 16 деревянных построек. В докладе предлагалось сократить «широкий размах жизни и воспитания, который давно обществом признавался ненужным и даже вредным»; «все то, что называется роскошью, аристократичностью обстановки и быта» следовало «безусловно и немедленно» исключить. Однако жизнь института всецело подчинялась по-военному суровой дисциплине, быт был по-современному благоустроен, но при том аскетичен: институтки располагали всего двумя спальнями — дортуар для младшего возраста и другой — для старшего [17, л. 34], их будили в 6 утра (в зимнее время в 6.30), а учебная программа была, как заключали врачи и педагоги, перегружена, и т.д. В то же время институток воспитывали как барышень, которым не предстояло в будущем выполнять «черную» работу [9, с. 125—135].

Комиссия 1918 г. предлагала Войсковому кругу потеснить институт, разместив под его крышей гимназию и учительский институт. При том признавалось, что войску «крайне важно иметь... ин-

¹ Три дочери А. В. Оде-де-Сион закончили Оренбургский институт.

тернат-институт для воспитания и получения среднего образования детьми — сиротами военных, казаков, солдат и офицеров, потерявших отцов в Мировой войне», а принимать в него следует преимущественно детей «коренных русских Уральского края и местного инородчества (башкир, киргиз, татар и др.)». Уже шла гражданская война, а Чрезвычайному войсковому кругу докладывали о необходимости «иметь учащих... новым языкам» — французскому, английскому и немецкому. Институт по-прежнему был «очень необходим для многих» при существовавшем «громдном спросе на образование, при полном отсутствии на протяжении нескольких губерний — Оренбургской, Уфимской, Самарской, Пермской, Уральской и Тургайской областей» женских учебных заведений [6, с. 50—57, 60—61]. Великий просветительский проект, начатый в XVIII в., сохранял свою энергию.

Список использованных источников и литературы

1. Высокочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб.: Молодая гвардия, 2001.
2. Жизнь для детей (памяти начальницы Оренбургского женского института Анны Никифоровны Мунт) // Воспитание и обучение. 1891. № 7.
3. Журнал Министерства народного просвещения. 1850. Март.
4. Лихачева Е. И. Материалы для истории женского образования в России. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901.
5. Любичанковский С. В. Организация учебного процесса, управления и финансирования Оренбургской женской гимназии в пореформенный период [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 2 (10). URL: http://vestospu.ru/archive/2014/articles/16_10_2014.pdf.
6. О принятии Оренбургского женского института в распоряжение и ведение Оренбургского казачьего войска // Доклад Войскового правительства Оренбургского казачьего войска чрезвычайному Войсковому кругу. 19 сент. 1918 г. Б. м.: Б. г.
7. Обозрение учреждений имп. Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г. СПб.: Тип. Опекунского совета, 1854.
8. Овсейко В. И. Начало оренбургской периодики // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2008. № 1. С. 41—51.
9. «Отрицательные стороны прежнего институтского воспитания с культивированным пренебрежением ко всякому черному труду». К истории эвакуации Оренбургского Войскового женского института из Оренбурга в Троицк в январе — марте 1919 г. / публик. А. В. Ганина // Русское прошлое. СПб., 2012. Кн. 1.
10. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска на 1905 г. Ч. Гражданская. Оренбург: Тип. А. Н. Гаврилова, 1906.
11. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1912 г. Ч. Гражданская. Оренбург: Тип. А. Н. Гаврилова, 1913.
12. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1915 г. Ч. Гражданская. Оренбург: Тип. А. Н. Гаврилова, 1916.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. VII. СПб.: в тип. П. Отд. С. Е. И. В. канцелярии, 1833.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 759. Оп. 4. Д. 1615.
15. РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 35.
16. РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 33.
17. РГИА. Ф. 759. Оп. 27. Д. 500.
18. РГИА. Ф. 759. Оп. 32. Д. 979.
19. Семенов В. Г., Семенова В. П. Павел Петрович Сухтелен, оренбургский военный губернатор в 1830—1833 гг. // Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1999.
20. Систематическая опись дел архива Оренбургской ученой архивной комиссии // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Типо-литография Губ. правления, 1909. Вып. 20.
21. Собрание узаконений Ведомства учреждений имп. Марии. Т. IV. Кн. 1. СПб.: Гос. типография, 1895.
22. Собрание узаконений Ведомства учреждений имп. Марии. Т. V. СПб.: Гос. типография, 1909.
23. Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург: Типо-литогр. Б. Вреслина, 1891.
24. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 5. Оренбург: Типо-литогр. Губ. правления, 1899.
25. Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений имп. Марии, выс. утвержденный 30 августа 1855 г. СПб.: Типо-литогр. К. Штермера, 1884.

Т. И. Тугай

Оренбургская русско-казачья учительская школа в формировании национальной интеллигенции

Ценным источником об учительской русско-киргизской (казахской) школе в Оренбурге времен обучения в ней Ахмета Байтурсунова (1891—1895) является «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние» чиновника Тургайского областного правления, в прошлом инспектора народных училищ области — А. В. Васильева, известного исследователя истории и быта Казахстана и казахского языка. Отдельный параграф очерка посвящен этой школе [4, с. 192—205]. Он был издан в 1896 г., и в нем дается информация как раз по тому периоду, когда учился Байтурсунов. Его имя указано и среди 14 выпускников от Тургайской области [4, с. 195].

Школа была открыта «стараниями Алтынсарина» 10 апреля 1883 г. сначала в Орске, но затем вследствие пожара переведена в Оренбург в 1889 г., где разместилась в здании бывшей татарской

10. Матвиевский П. Е. Крестьянская война под водительством Е. И. Пугачева (1773—1775 гг.). Оренбург : Тип. изд-ва «Южный Урал», 1973. 57 с.
11. Махрова Т. К. Взаимоотношения казачества и государственной власти в XVIII — начале XX в.: На материалах Оренбургского и Уральского казачьих войск : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2004. 47 с.
12. Муратов Х. И. Емельян Иванович Пугачев. Ростов : Изд-во Рост. ун-та, 1979. 240 с.
13. Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. Источниковедческое исследование. М. : Наука, 1980. 280 с.
14. Паскаль П. Пугачевский бунт / пер. с фр. Л. Ф. Сахибгареевой ; науч. ред., коммент. и вступ. ст. И. В. Кучумова. Уфа : И. П. Галиуллин Д. А., 2010. 184 с.
15. Под знаменами Пугачева (К 200-летию крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева) / сост. Л. Н. Большаков, М. С. Клипиницер. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. 195 с.
16. Понятов С. Е. Желтый Яр. Оренбург : [Б. и.], 1994. 110 с.
17. Рекунова М. Х. Живительные корни народа моего. Казань : Грумант, 2016. 260 с.
18. Рознер И. Г. Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1966. 200 с.
19. Смирнов Ю. Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья, XVIII — середина XIX в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 539 с.
20. Таймасов С. У. Восстание 1773—1774 гг. в Башкортостане. Уфа : Китап, 2000. 376 с.

Л. М. Шкляева

Пуховязание татарских мастериц Оренбургской области

Некоторые сведения об истоках домашних ремесел местных жителей на территории нынешней Оренбургской области в XVIII в. дошли до нас благодаря первой научной экспедиции, состоявшейся в 1734 г., организованной в Петербурге. «Поводом послужило заявленное желание хана меньшей киргизской орды Абуил-хайра вступить в российское подданство и его просьба построить русский город в устье реки Ори» [3, с. 10]. Одним из членов экспедиции был П. И. Рычков, обративший внимание на оренбургских коз.

Сегодня в каждой татарской деревне Оренбуржья женская половина населения задействована в вязании пуховых платков. Собранные экспедиционные данные свидетельствуют, что казанские татары, татары-мишари, ногайские татары, потомки тептярей, переселившиеся в Оренбуржье с других территорий в различные исторические периоды [4], воспроизводят образцы самобытного домашнего ремесла.

Как и в прошлом, традиционность обеспечивается знанием и соблюдением определенных правил, устно передающихся от мастерицы к ученице, что обеспечивает трансляцию эстетических ценностей, выраженных в соответствующих художественных формах, которые имеют семантику и отражают этническое самосознание. Традиция способствовала сохранению технологий исполнения, но они изменялись по объективным причинам, находясь в зависимости от экономических и социальных условий, а также от видов трудовой деятельности, характерных для населения данного края.

В отдельных случаях пуховязание, как вид художественного творчества, достигает уровня искусства. Например, изделия мастерицы Миннур Гизятовны Ишмухаметовой (р. 1946) из с. Желтое хранятся в Оренбургском музее, в Национальном музее Республики Татарстан и в частных коллекциях. В 1991 г. ей присвоено звание «Мастер-художник высшего класса». Стремление совершенствовать свое мастерство, свойственное большинству вязальщиц татарских деревень Оренбуржья, одинаково присуще и жительницам селений, возникших сравнительно недавно, и мастерицам из деревень, ведущих свою историю с XVI столетия. Активно развивается пуховязальный промысел в селе Сарманай [5, с. 20], основанном переселенцами из Казанского ханства примерно в конце 1550-х годов. В каждой семье есть искусные вязальщицы, передающие секреты мастерства из поколения в поколение, как и в селе Яфарово, возникшем в XIX в. Вязание является наиболее массовым видом домашнего ремесла и промыслом. Раньше в каждом доме были «ая» — самодельные деревянные приспособления для чески козьего пуха. Сейчас они другой формы и местными мастерицами называются «шапталап». Вязальщицы Шарлыкского района соблюдают всю производственную цепочку, включающую выращивание пуховых коз, вычесывание пуха. Затем пух стирают и распушают «те-ту». Потом следует прядение нитей и вязание. Таким же образом организуется процесс пуховязания в деревне Зирекле, где проживают татары — выходцы из Башкирии. Многие женщины татарских селений Оренбуржья (независимо от этнической принадлежности) вовлечены в пуховязальный промысел.

В настоящее время местный пух оренбургских коз часто заменяется привозным, мастерицы его покупают и прядут. Как, например, в селе Мустафино. Светлана Сабировна Маняпова (р. 1982), потомственная вязальщица, рассказала, что в деревне вяжут все женщины, кто на спицах, кто крючком.

С. С. Маняпова начала учиться вязать с 12 лет, к двадцати годам стала искусной мастерицей. Светлана специализируется на вязании крючком полушалков. Нафиса Сагдеева вяжет на спицах классические традиционные оренбургские шали, транслируя опыт предыдущих мастериц без изменения. Джамия Маняпова (р. 1941) начинала с маленьких изделий, затем освоила все возможные варианты разными узорами. Особенно хорошо у нее получаются палантины ажурной вязки.

Пуховязальщицы разного уровня мастерства есть в Султакае (селе мишарей). К примеру, Гульнур Спартаковна Габбасова (р. 1955), одна из искусных вязальщиц, специализируется на палантинах и шалях-паутинках. С десяти лет ее учила вязать жена старшего брата. Жительница села Яфарово Гульсум Махмутовна Мангутова (р. 1956) научилась вязать в семилетнем возрасте. Сначала вязала на куклу, потом на себя. Но «настоящее», умело выполненное изделие у нее получилось только через 13 лет непрерывной практики. С тех пор все зимы Г. М. Мангутова вяжет шали, палантины, платки, передавая умение своей дочке Зульфие.

По сообщению местной жительницы Муниры Гильметдиновны Гафаровой (р. 1936), пуховязальный промысел процветает в Каргале, несмотря на то что пуховязальное производство закрылось в 1993 г. Руководила им бессменно (вплоть до начала «перестройки») Хазяр Давлетьярова.

Сейчас мастерицы работают частным образом, например Дания Гизетдиновна Ягофарова (р. 1941), которую мама научила вязать в раннем детстве, уже с 18 лет Дания вязала изделия на продажу. С 1960 года работала в «Пухартели». В сентябрьском номере 1967 г. в журнале «Азат хатан» есть статья о Ягофаровой — ударнице коммунистического труда. Мастерица часто участвует в конкурсах и в 2013 г. была награждена дипломом в Оренбурге. Д. Г. Ягофарова рассказала, что теперь вязальщицы покупают пух, который привозят из Волгограда. Сначала пух стирают, потом расчесывают на «ая» или «шапталап», потом прядут веретеном, добавляя «жжеп» (хлопчатобумажную нить для основы). Она сообщила, как было принято называть традиционные узоры: «аякча» (зубчики на кайме, их еще сравнивают с блюдом из теста), «тел» (язычки на внутреннем крае каймы).

В Чебеньках вязанием занимаются почти все женщины села. Раньше в деревне вязали шали-паутинки из овечьей шерсти, т.к. коз для пуха стали разводить позже, косынки начали вязать примерно в 1960-х годах. «Пухпромысел», организованный в 1926 г., развалился во время «перестройки» (1990-е гг.), но вязальное дело продолжается. Теперь мастерицы отдают предпочтение волгоградскому пуху и закупают его, считая, что он мягче и длиннее, легче вяжется и лучше пушится. Девочек в Чебеньках начинают обучать вязанию с 5—6 лет. К семи годам они уже вяжут зубчики каймы. «Шапталап» в деревне перестали использовать лет пять назад, так как в процессе используют чесальную машину, которой владеет один из предпринимателей этого села.

Раису Сагитовну Мурадимову (р. 1954) мама научила вязать с шести лет. Будучи невестой, она преподнесла жениху пару перчаток, с вывязанным из пуха знаком обручального кольца (перчатки серые, «обручальное кольцо» белого цвета). В качестве подарков для отца жениха вязали носки и перчатки. Этот обычай существует по сей день. Носочки для жениха называют «кияу оекбаши». Существуют названия и для других композиций декоративной отделки, традиционных для вязальщиц Чебеньков: «Песи тэпие» (рус. «кошачья лапка»), а также «мышинный горошек», «елочки». Эти распространенные орнаментальные мотивы воспроизводились из поколения в поколение. Узор «ландыши» возник и получил распространение недавно (в конце XX — начале XXI в.).

Вязание из пуха продолжает развиваться в Кулчуме, где мастерицы предпочитают покупать волгоградский привозной пух. Названия наиболее часто применяемых узоров: «токмач» (рус. «лапша»), «чумале» (рус. «копна»), «тель» (рус. «язычки»), «киерме» (рус. «зигзаг»). Словом «урта» называется середина вязаного платка, которая вязалась без узоров, однотипной вязкой (ее можно отличить от машинной, так как она рельефно двусторонняя, а машинная вязка рельефна только с одной стороны, другая — плоская).

В Кабанкино издревле разводили овец и оренбургских пуховых серых коз. Женщины в деревне традиционно занимались вязанием. «Бабушка вязала, мама вязала, сейчас мы вяжем и наши дочки тоже вяжут», — говорят они. В настоящее время вяжут платки больших размеров (в основном на 220×230×240 петель). Респонденты сообщают: «А наши бабушки вязали платки на 300×350 петель. Ехали в Оренбург и там продавали, так они копили на строительство дома. Платки стоили дорого. Тогда коз выращивали сами, а теперь в Беляевском районе покупаем, там специализируются на выращивании оренбургских пуховых коз». Пуховязальщицы же Кабанкино — на традиционных шалях, косынках, паутинках.

В пуховязальном промысле принимали участие многие женщины Биктимирова. Известностью пользовались изделия искусных вязальщиц Сакины Давлетовны Аргинбаевой (р. 1928) и Галии Фаткулловны Ишкуватовой (р. 1942), которая работала, как и многие ее односельчанки, в «Пухпроиз-

водстве». В настоящее время вязание из пуха не развивается так интенсивно, как раньше. Одна из представительниц ремесла Дамира Давлетбаевна Губайдуллина (р. 1954) рассказала, что пользуется покупным длинношерстным пухом, который привозят из Волгограда и из Ростова. Она сообщила, что у вязальщиц Биктимирова есть свой традиционный узор — «салма», названный так по ассоциации с квадратиками лапши в супе.

Кроме широко распространенного пуховязания в Оренбургской области продолжают развиваться такие виды традиционного творчества, как обработка дерева и металла, лозоплетение и вышивка. Обобщая полученные в экспедиции данные, можно сделать вывод, что из всех видов декоративно-прикладного творчества, характерных для татар Оренбургской области, повсеместно развито пуховязание, охватывающее женское население.

Этот вид творчества транслирует важную для деревенского уклада жизни информацию посредством значений орнаментальных мотивов, которые остаются устойчиво традиционными по настоящее время. Причем сами мастерицы настроены на воспроизводство принятых в деревне образцов декора. Мастерство пуховязания до сих пор в подавляющем большинстве случаев передается от мамы, либо от бабушки к дочери на практике. Пуховязание оренбургских татар консервативно, т.е. устойчиво применяется в одних и тех же технологиях, в тех же цветовых сочетаниях, с использованием однотипных устойчивых элементов узорных композиций и мотивов орнамента в композициях неизвестных авторов [1]. Лишь очень незначительная часть мастеров является профессионально подготовленной, т.е. получившей образование в специализированных средних либо высших учебных заведениях. Все перечисленные особенности позволяют сделать вывод, что пуховязание у оренбургских татар обладает признаками подлинно народной культуры. Оно продолжает быть востребованным во всех исследованных татарских деревнях Оренбургского края. Мастерицы пользуются признанием, а их продукция спросом. Понимание ценности самобытного художественного творчества татар может послужить основой для его дальнейшего развития при необходимой поддержке общественными и государственными институтами.

Приложение

Мастерицы пуховязания деревень

Сарманай: Гюльгена Валитова;
Зирекле: Шамсурый Саяхутдиновна Мавликаева (р. 1918), Таскира Шахмуратова, Мавликаева Нурима Сайфулловна (р. 1944);
Мустафино: Светлана Сабировна Маняпова (р. 1982), Нафиса Сагдеева, Джамиля Маняпова (р. 1941);
Султакай: Гюльнур Спартаконна Габбасова (р. 1955);
Яфарово: Гюльсум Махмутовна Мангутова (р. 1956), Зульфия Мангутова;
Каргала: Мунира Гильметдиновна Гафарова (р. 1936), Хазяр Давлетьярова, Дания Гизетдиновна Ягофарова (р. 1941);
Чебеньки: Бадигуль Сабировна Абдуллина, Гулзифа Гайсаевна Паунафина, Раиса Сагитовна Мурадимова (р. 1954);
Кулчум: Нуржихан Шаймардановна Бакеева (р. 1939), Светлана Агдамовна Ишмуратова (р. 1965), Гульзифа Ахмадулловна Бакирова, Гюльфия Ахатовна Нигматуллина (р. 1961);
Биктимирово: Сакина Давлетовна Аргинбаева (р. 1928), Галия Фаткулловна Ишкватова (р. 1942), Дамира Давлетбаевна Губайдуллина (р. 1954).

Список использованной литературы

1. Воронов В. С. О крестьянском искусстве : избр. тр. М. : Советский художник, 1972. 350 с.
2. Мухаметшин Р. Г. Татарский традиционализм: особенности и формы проявления. Казань : Меддок, 2005. 163 с.
3. Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб. : Тип. императ. Акад. наук, 1867. 184 с.
4. Фирсов Н. А. Иногородское население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель. Казань, 1870. 448 с.
5. Ялчин Р. Ф. Сарманай — 270 лет. Шарлык : Димург, 2014.

И. К. Загидуллин

О проектах оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского по реформированию ОМДС в 1866—1877 гг.

Исследование деятельности крупного российского государственного деятеля, оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского в сфере выстраивания этноконфессиональной политики в Оренбургском крае потребовало ряда предварительных замечаний, позволяющих глубже осознать имперский дискурс в отношении мусульман во «внутренней окраине».

1. В своей квалификации территориальной структуры России XIX в. К. Мацузато выделяет три типа имперский территорий: «внутренние губернии»; «генерал-губернаторства во главе с «генерал-

Список использованной литературы

1. Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья // Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 2.
2. Байпаков К. М. Древние города Казахстана. Алматы, 2005. 316 с.
3. Байпаков К. М., Воякин Д. А. Выдающиеся археологические памятники Казахстана. Алматы, 2014. 504 с.
4. Байпаков К. М., Танабаева С. И., Сдыков М. Н. Археологические памятники Западного Казахстана. Алматы, 2001. 160 с.
5. Гизатов Ж. Сарайчик — город-столица. Актобе, 2004. 192 с.
6. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Алматы, 2010. 541 с.
7. Мукаметханулы Н. Основные проблемы истории Казахстана: монографическое исследование. Павлодар, 2010. 311 с.
8. Мустафин Ж. История и судьба города Сарайчика. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральск, 2004. 31 с.
9. Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства Казахстана. Алматы, 1991. 292 с.
10. Назарбаев Н. А. В потоке истории. Алматы, 1999. 332 с.
11. Тасмагамбетов И., Самашев З. С. Сарайчик. Алматы, 2001. 320 с.

В. А. Гультяев

Дворцовое село Архангельское и строительство Бирской крепости в XVII в.

Многие города-крепости конца XVI — XVII в. на восточных и юго-восточных окраинах России были построены на месте дворцовых сел, которые в указанное время были уже адаптированы к местным условиям. На территории Башкирии их было несколько: крепость Оса, давшая название административной единице Башкирии — Осинской дороге, Чалнинский городок на левобережье р. Камы и Бирская крепость, построенная в 1667 г.

Появление городов-крепостей в XVII в. в Уфимском уезде непосредственно связано с причинами внешнеполитического характера, а именно с необходимостью укрепления южных и юго-восточных границ государства после изгнания польских и шведских интервентов, тем более что в 20-е гг. XVII в. многие калмыцкие племена торгоутов и дербетов, откочевавших из Джунгарии, появились вдоль границ Башкирии, а через десятилетие уже окончательно утвердились между реками Яик и Волга, закрыв торговые пути в Среднюю Азию и ликвидировав, таким образом, возможность русского правительства вести торговую и политическую деятельность со странами данного региона. В силу этого Москва была вынуждена, защищая свои интересы, с одной стороны, идти на уступки негласным требованиям калмыков (разрешила кочевать на занятых ими землях башкир, запретив последним под страхом смертной казни нападать на калмыцкие племена, то есть фактически лишила башкир права отстаивать свои земельные интересы), а с другой — предпринимать меры по защите юго-восточных границ — приступить к сооружению укрепленной линии, получившей названия «Закамской черты» [2, с. 38].

В 1651—1656 гг. осуществляется строительство Закамской укрепленной линии, состоящей из крепостей Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Билярск, Новошешминск, Кичуевск, Заинек и Мензелинск. Последние из них оказались основанными непосредственно на землях башкир Казанской дороги [1, с. 56].

Однако параллельно этому процессу шел процесс заселения закамских земель русскими крестьянами по их собственной инициативе, в результате чего в начале XVII в. на северо-западе Башкирии появляются крестьянские поселения. Одно из таких поселений появилось на территории Шамшадинской волости, на месте которого в 1667 г. было решено возвести крепость Бирск. Оно имело название — село Архангельское. Дата основания дворцового села бирских крестьян — 15 апреля 1645 г. Сразу после основания дворцовых сел новопоселенцы, как правило, наделялись землей и на 5 лет освобождались от государственных податей. По истечении льготных лет они должны были выполнять различные государственные повинности. Бирские крестьяне были наделены землей вокруг села, однако на первых порах их поземельные отношения еще не были упорядочены [3, с. 224]. Защищая интересы своих подданных, русское правительство наделяло их землей, ранее принадлежавшей башкирам. Эти меры как внешне-, так и внутривосточного характера вызывали недовольство коренного населения, что привело к череде башкирских восстаний 1662—1664 гг., в ходе которых были разорены крестьянские поселения. Одним из таких поселений и было дворцовое село Архангельское-Бирь. Таким образом, после восстания 1662—1664 гг. принимается решение основать здесь городок и населять его служилыми людьми. Однако прошло еще несколько лет, прежде чем удалось осуществить задуманное.

В статье рассматривается процесс строительства Бирской крепости, уточняется дата его основания.

Долгое время без должного документального основания считалось, что Бирск был построен в 1663 г. Эта дата названа в работе Р. Г. Букановой «Города и городское население Башкирии в XVI—XVII вв.», опубликованной в 1993 г. [2, с. 73]. Однако впоследствии ей удалось обнаружить архивный источник, в котором была указана конкретная дата основания Бирской крепости — 1667 год. Такая дата упоминается в последующих монографических исследованиях данного автора [4, с. 67; 3, с. 225]. Это — Указ царя Алексея Михайловича от 29 мая 1667 года о постройке города Бирска, хранящийся в Научном архиве УНЦ РАН, текст которого приводится в работе бирского краеведа С. Ф. Сахратуллина [5, с. 252]. Анализ данного источника позволяет нам судить о причинах и деталях строительства города. Получив данный указ, уфимский воевода Петр Тимофеевич Кондырев посылает в дворцовое село Архангельское уфимского дворянина Ивана Ивановича Черникова-Анучина, которому и было приказано построить город. В указе говорилось: «А то место самое угодье, где быть городу: над самую Белою рекою по берегу, выше устья Бирю реки от Белья реки. Высокая гора от той горы с другую стороны великий боярак, только приход с одну и по левую сторону его, да в город добыть можно копать колодези, только сажень с два. Из Казани до Уфы стругами в том месте пристанищу быть пристойно... То место до Уфы водным ходом до половины дороги и промеж Уфимского уезду, и зимняя и летняя дороги на том месте чистены, на том месте острогу быть пристойно ж стало...» [5, с. 252]. Как мы видим, подробно были расписаны все удобства будущего города.

В указе также обозначалась причина необходимости постройки крепости — неоднократно упомянутое башкирское восстание, намерение русского правительства иметь свой опорный пункт и не допустить, таким образом, повторных выступлений.

Вместе с И. И. Черниковым-Анучиным был послан отряд служилых людей: иноземцы, новокрещены, конные казаки и пешие стрельцы, которые до прибытия другой партии служилых людей должны были находиться «у городского дела». К сожалению, сохранились всего три фамилии из этого списка. Это иноземцы Тимофей Рукавишников, Никифор Нагорельский, Карп Курчеев. Они во главе с Иваном Черниковым-Анучиным и явились основателями города Бирска [4, с. 69].

На основании указа можно определить, как примерно выглядела Бирская крепость. Строили ее из дубовых или сосновых бревен «длиною трех сажень, печатных в бресе четырех вершков и больше», с четырьмя наугольными башнями с «обламами», нависающими выступами сруба в верхней части для удобства ведения стрельбы. «А сверх обламов шатры с крышки» — шатровыми крышами, «а сверх шатров на тех проезжих башнях вышки караулистые». Башни должны были выступать наполовину за стены, чтобы в случае необходимости можно было вести обстрелы вдоль стен. «Промеж башен прясла мерою учинить» (прясло — часть крепостной стены, расположенная между двумя башнями), «и кати на острог наслат дубовые по всем пряслам учинить чтоб их во время приступное можно за острог опускать» — «катями» (катками) назывались противостурмовые бревна, которые скатывали со стен во время приступа [6, с. 7].

По указу «будут присланы и уездными людьми уфимскими, которые около того места живут и тутошним крестьянам, и которых к нему с Казанского дороги уфимского же уезду разных деревень, казанских и ясашных татар, и чуваш, и черемис с трех дворов с телеги, с лошадьми, и с колесы, с топоры, с заступы и с просеки...» [5, с. 253]. Из данного отрывка можно сделать вывод, что к строительству Бирской крепости были привлечены уфимские уездные люди, живущие поблизости, крестьяне села, ясачные татары, чуваша, черемисы Казанской дороги Уфимского уезда. Они собрались по одному человеку с трех дворов и были обязаны явиться с запряженными в телеги лошадьми и запасными колесами и заступами.

Указ предусматривал выполнение строительных работ в достаточно сжатые сроки: «... и делать ему, Ивану, тот острог с большим поспешением, чтобы тот острог поспел в скорее...» [5, с. 253]. Требование ускоренного строительства можно объяснить стремлением царского правительства выразить поскорее на данной территории свои общеполитические и стратегические интересы. Это также подтверждает искусственное происхождение города, то есть путем внедрения «сверху», а не в результате естественного перерастания села в город.

Согласно указу, образцом для постройки Бирской крепости являлась Уфа, основанная еще в конце XVI в.: «...а как то городское дело сделано будет и тому городскому месту и что около того места каких рек и озер и сенных покосов и иных каких угодий, а сему чертеж и городу образец привезь на Уфу» [5, с. 253].

Для обеспечения безопасности служилых людей во время строительства города им были выданы из уфимских припасов мушкеты, пищали и другие виды вооружения, а также железный лом, железные кирка и прочее, что могло бы потребоваться строителям. Вместе с отрядом выехали два кузнеца с кузницей и площадный подъячий Стенька Писарев [4, с. 70].

В указе от 12 июня 1667 года были учтены жалобы местных жителей на злоупотребления со стороны присланных ранее служилых людей и их командиров. Это следует из текста: «...и обид, и налог, и продаж, и насильства никакого тутошным и окольным людям не чинить, и чередных людей без перемены от осторожного дела для своей корысти и для взятков не отпускать, а буде он, Федор, кому насилие и обиды, и продажи, и насильства станет чинить и что с кого станет и мать и для своей корысти кого чередных людей от осторожного дела отпускать, а про то сыщется ему, Федору, за то от великого государя быть в опале» [4, с. 70].

Вместе с Ф. Головкиным для караула было отправлено двадцать стрельцов; послано 30 мушкетеров, пуд пороха и пуд свинца, которые нужно было отдать старосте и бирским крестьянам. После окончания строительных работ нужно было составить отчет и отправить его в Уфу: «...и какими людьми тот острог будут делать, и башни каковы и в которых местах построены написать в книге подлинно, те книги в Уфу привести, со своею рукою и подать в приказной избе стольнику и воеводе Петру Тимофеевичу Кондыреву да дьяку Ивану Родионову» [5, с. 253].

После сооружения крепостей обычно полагалось составить подробное описание всех крепостных сооружений и прилегающей местности, а также план крепости и представить все это в соответствующие правительственные учреждения. Описание новопостроенного Бирского городка пока не обнаружено [4, с. 71].

Как считает Р. Г. Буканова, возникновение Бирского городка было вызвано причинами экономического характера: необходимостью вновь собрать разбежавшихся дворцовых крестьян села Архангельское и связать Уфу водным путем через Бирск с другими городами России [4, с. 77].

Таким образом, возникновение Бирской крепости в 60-х годах XVII в можно объяснить причинами как политического, так и экономического характера. Можно утверждать, что строительство города велось достаточно основательно, так как оно осуществлялось по специальным царским указам, то есть город возник по инициативе правительства, преследовавшего общеполитические интересы.

Созданные крепости, в том числе и Бирск, царское правительство заселяло различными категориями служилых людей. В 1671 г. появился постоянный гарнизон и у Бирского городка. Он состоял из 118 солдат Усольского полка и 82 вновь прибранных служилых людей. Все они, в количестве 200 человек, были записаны в стрельцы и поселены «на вечное житье». Первоначально стрельцы обеспечивались годовым денежным и хлебным жалованием. Начиная с 1682 г. выдача денежного и хлебного жалования была прекращена и вместо жалования стрельцам были даны «земельные дачи» [4, с. 71]. Таким образом, условием несения военной службы в гарнизоне города было наделение служилых людей землей. Мы видим, что Бирск во второй половине XVII века представлял собой милитаризованное поселение, однако традиции бывшего дворцового села, по мнению Р. Г. Букановой, оказались сильными: впоследствии основным занятием большинства служилых людей Бирского городка стали земледелие, торговля, промыслы.

Бирская крепость была построена на Галкиной горе, но в каком ее месте, точно не известно. Бирский краевед С. Ф. Сахратуллин считает, что крепость заложили там, где впоследствии располагался Бирский Свято-Троицкий женский монастырь, а сейчас следственный изолятор [5, с. 16].

В Бирскую крепость наряду со служилыми людьми были заселены и крестьяне. Чем же они занимались? Земледелие, скотоводство, рыбная ловля, ремесло — вот основные занятия как крестьян, так и служилых людей. Но так как крестьяне не были связаны обязательной военной службой, они имели больше свободного времени для деятельности, которая не требовала их постоянного пребывания в городе. Можно предположить, что часть из них занималась отхожими промыслами, извозом и другими видами деятельности в близлежащих селах и деревнях.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что служилое население Бирского городка, основанного в 1667 г. в ходе решения внешнеполитических (борьба с калмыками) и внутривнутриполитических (регулирование отношений с коренными жителями Уфимского уезда) задач Российского государства на юго-востоке, все активнее вовлекалось в различные виды хозяйственной деятельности, чем создавались предпосылки для естественного перерастания Бирского острога в город.

Список использованной литературы

1. Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII — начала XVIII в. Уфа, 1993. 224 с.
2. Буканова Р. Г. Города и городское население Башкирии в XVI—XVII вв. Уфа, 1993. 86 с.
3. Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI—XVII вв. Уфа : Китап, 2010. 264 с.
4. Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII в. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997. 256 с.
5. Сахратуллин С. Ф. Бирская старина. Кн. 2. Бирск. Бирск, 2001. 336 с.
6. Свице Я. С. Об основании Бирской крепости в середине XVII в. // Вестник БирГСПА. Бирск, 2007. Вып. 15.